

ИВАННА ОСИПОВА

ШИП И ХАОС
ФАКУЛЬТЕТ
ОТВЕРЖЕННЫХ

Иванна Осипова
Шип и хаос. Факультет
отверженных

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69922222

SelfPub; 2023

Аннотация

Этот мир суров с магами Хаоса. Каждый из них должен пройти обучение в стенах Академии и навсегда подчинить свою жизнь воле других, или потерять дар, а вместе с ним и жизнь. Кирстен по прозвищу «Шип» не по своей воле оказалась на пороге факультета запретных заклятий, которым управляет один из отверженных – предатель, добровольно склонивший голову перед Советом Академии. Кирстен Шип не знает, что станет с ней дальше. Она желает выжить, обрести свободу любой ценой, и послала в Бездну все чувства: на факультете отверженных нет места для радости и любви. Только у Хаоса свои планы на юную ведьму...

Содержание

1	4
2	10
3	16
4	26
5	36
6	47
7	67
8	72
9	83
10	88
11	94
12	99
13	109
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Иванна Осипова

Шип и хаос. Факультет отверженных

1

– Ведьму везут. Ведьму, – шептались мальчишки, догоняя повозку.

– У них нет души, – со знанием дела сообщил рыжий и на бегу наклонился к земле.

Соблазн был слишком велик. Несколько мелких камней ударились о тряпки, прикрывающие прутья.

– Батя зовёт их пустотелыми, – важно заметил мальчишка из шумной ватаги, когда повозка остановилась, пропуская богатый экипаж. – У людей внутри кости да мясо, а у этих – чёрная пустота.

– Врёшь! Они из мяса, как животные, но кровь тёмная и вонючая, – возразил парнишка в потрёпанной, давно потерявшей цвет курточке. – Если попадёт на кожу – разъест язвой.

– Слабо проверить?!

Мальчишки подначивали друг друга, со смехом подталкивали локтями, храбрились:

– Она страшная! С кривыми зубами и грязными когтями. Как схватит!

Осмелев, один из мальцов подскочил, уцепился сзади за перекрестье клетки и, горя любопытством, заглянул внутрь.

– Брысь, мелкий!

Из тёмной клетушки показалась рука с узкой кистью и тонкими пальцами: ведьма схватила паренька за рубаху. Мальчишка орал, нелепо размахивая конечностями, вырывался под дружный хохот стражи и звонкий смех изнутри повозки.

– Не суй нос – целее будешь, – произнёс молодой голос.

Тень приблизилась к решётке, отпуская перепуганную жертву. Зелёные, словно болотные огни, глаза пробежались острым взглядом по ватаге мальчишек. Бледное лицо с акkuratными, точёными чертами прильнуло к прутьям.

Вопящий храбрец повалился на мостовую под ноги к товарищам, а приятели не смели пошевелиться.

– Это ж девчонка! – Изумлённо воскликнул один, самый взрослый. – Дирк девчонки испугался!

Повозка тронулась с места и продолжила путь через город, оставляя позади любопытных мальчишек и прочих прохожих. Горожане если и замечали ведьминскую клетку, то спешили отойти подальше или зло плевали в её сторону.

Скрипучая клетка покачивалась на булыжной мостовой. Дорога привела к Академии магии и тайных наук. Коня, тянущие повозку, остановились возле широких ворот.

Стражники засуетились. Один из охраны сунулся в маленькое окошко сбоку от центрального входа.

– Эй, открывай там! Девчонку для Совета привезли!

Пока стражник разбирался у входа, болотного оттенка глаза приблизились к щёлочке в драной ткани на клетке. Ведьма подглядывала за охраной. Взгляд сердито скользил по толстенным воротам и спинам воинов.

– Вылезай! И не вздумай чудить, кошка дикая! – зло бросил другой стражник поблизости и отпер клетку.

На его грубой, обветренной руке виднелся свежий след от укуса, а на поросшем щетиной лице воспалились царапины.

– Смотри, Руа, зубастая тварь снова тяпнет, – без тени улыбки, сочувственно предупредил третий охранник. – Оставит проклятие.

Он опасливо держался возле лошадей.

– Пусть попробует, – процедил пострадавший сквозь зубы. – Плевать, что господа платят золотом за пустотелых – проучу ведьму.

– Вот и не подходи ко мне, – отозвалась из клетки молодая колдунья. – И лапища свои потные не тяни.

Следом наружу показалась голова со смоляными волосами, сплетёнными сразу в несколько кос. Ведьма не спешила покидать повозку, шурилась на свет, оценивая положение.

– Больно нужно, – проворчал укушенный. – Брезгую такими.

– Сам ты! Такой...

По-девчоночьи накупившись, она соскочила на землю, оправила платье и порванный во время ареста рукав – придётся зашивать, но Кирстен ни о чём не жалела. Обидно – не успела сплести заклинание, чтобы сбежать.

Кирстен отшатнулась, фыркнула, когда страж попытался подхватить её под локоть.

– Справились, да?! Храбрецы!

После закрытой клетки воздух городской улицы показался свежим. Ноздри колдуньи затрепетали, втягивая ароматы зелени, росшей возле высоченной стены Академии, и свежей выпечки из пекарни неподалёку. В животе противно заурчало: Кирстен не успела позавтракать, когда за ней пришли стражники. Она быстро догадалась, кто написал донос.

Проворчав проклятие, Кирстен упрямо сжала челюсти. Подступила гадкая, до привкуса во рту, волна страха. За порогом Академии ведьму ждала неизвестность. Казалось, чёрная и липкая паутина стянула грудь.

«Я не боюсь. Не боюсь!» – Повторила Кирстен, выравнивая дыхание.

Кирстен не была опытной ведьмой, но понимала, что не только ужас сжимает сердце. Всё дело в ошейнике из светлой, крепкой кожи. Стражники без труда скрутили девчонку и нацепили магические оковы. Она разглядела на тонкой полоске ошейника переливающиеся фиолетовые руны подчинения. Чуть не разревелась тогда от бессилия и досады.

По дороге к Академии Кирстен много раз подсовывала

пальцы под кожаную ленту, старалась разорвать или наложить формулу тления, но всё напрасно. Самое отвратительное, что ошейник не делал мага слабым: Кирсти продолжала ощущать связь с пустотой бездны.

Магические оковы не позволяли пойти против стражи, мешали причинить врагам боль или настоящий вред. Даже хитрость не спасла бы Кирстен: ошейник мешал бежать, стягивал шею нитями родной стихии.

«Мерзавцы! Придумали же такую дрянь! Используют хаос против нас», – с отчаяньем подумала Кирстен и покрутила головой.

Ошейник всё ещё был на месте и чудесным образом никуда не исчез. Кирстен чувствовала себя в коконе из тёмных нитей хаоса, не веря, что пустота стала враждебной.

– За воротами никуда не убежит, – заметил опасливый стражник.

– Сама пойдёшь? – спросил укушенный, не спуская с ведьмы недоброго взгляда.

Их товарищ договорился с охраной Академии и ворота медленно поднимались. Правила требовали, чтобы маги с запретным даром пересекали эту границу пешком.

– Свежие новости! Свежие дневные новости! – надрывался мальчишка-газетчик за спиной Кирстен и стражников. – Отверженные в центре столицы! Нелюди наложили проклятие на мирную пекарню! Десяток пострадавших! Справедливый и милостивый совет магов приговорил преступников

к пожизненным работам на благо союза земель. Главарию выжгли магию!

Кирстен споткнулась, задержалась на несколько мгновений, проходя через ворота Академии, откуда никто из отверженных не возвращался. Спину прошибло холодным потом. Среди колдунов не было страшнее наказания, чем выжигание дара. С детства Кирстен слышала истории о преступных магах, кого-то из них нередко лишали магии.

– Иди! – Стражник грубо подтолкнул ведьму. – Ступай! А не то и тебе выжгут эту вашу... магию, бездна её поberi!

Я Дикий Шип.

Кирстен по прозвищу «Шип».

Обстоятельствам не сломить меня...

С видимым послушанием я шла в окружении стражников по аллее. Вид на центральную башню и россыпь зданий поменьше не внушал опасений или мрачных мыслей. К середине дня небо прояснилось и парк наполнился солнечным светом. При иных обстоятельствах я получила бы удовольствие от созерцания древней архитектуры, но не теперь.

Проходя ворота, я отметила – вход на территорию Академии зачарован, но не успела разобрать, что за сплетение магии преграждает путь нежелательным посетителям.

«Или помогает запретить внутри девчонок вроде меня», – невесело подумала я, запоминая этот факт на будущее.

Я всегда знала, что не смирюсь с неволей – сбегу, стану рыть землю и разбивать камни – только бы не оказаться в душной клетке подчинения. Пока время сопротивления не пришло. Бессмысленно бороться с болванами из городской охраны. Тем более, когда шею украшают магические оковы.

Поэтому я удержала ураган, готовый вырваться наружу. Он закипал в груди, отзываясь ярким горением магического дара и зудом в кончиках пальцев. Мне всегда было трудно контролировать собственную импульсивность, но я ста-

ралась и с теплотой вспоминала о человеке, который попытался научить меня вовремя останавливаться.

В голове так и звучал спокойный голос опекуна:

– Быстра ты на расправу, Колючка. Сосчитай до десяти, прежде чем больно царапать.

Раз, два, три, четыре...

Мимолётная горечь примешалась к отчаянью и страху. Я справлюсь. Вот увидишь!

Я с силой сжала кулаки, напуская безразличие на побледневшее лицо. Меня трясло от нервного возбуждения. Следовало заняться настоящим, а не страдать по прошлому.

Я бросала короткие, незаметные взгляды по сторонам: запомнить путь до ворот, узнать расположение корпусов и неприметных тропок среди кустов шиповника – он только-только выпустил тугие бутоны. В воздухе ощущалась весенняя прохлада, и я поёжилась.

Из дома меня увели в одном платье. Вся одежда и необходимые в быту мелочи остались там. Я отчётливо представила, с каким наслаждением, брезгливо кривя рот, старуха выбросит тряпьё. Огонёк злости вспыхнул в груди с новой силой, а рука потянулась к шее. По недосмотру стражи я унесла с собой одну вещь: с усилием опустив дёрнувшуюся было руку, я пересилила желание проверить – на месте ли имущество, скрытое под платьем.

– Куда сворачивать? – Идущий первым стражник сбавил шаг. – Тьфу! Всё не запомню.

– Не иначе пустотелые след путают, – хмыкнул второй воин.

Он шёл позади и не упустил возможности ткнуть меня в спину. Я лишь сильнее выпрямилась и расправила плечи. Стоит ли обращать внимание на тупых солдафонов, выдрессированных Советом?

Проводник не ответил, но остановился возле развилки, а я выхватила взглядом суету на площади перед главным корпусом. Я слышала отголоски разговоров и смеха, видела радостные, молодые лица студентов, живущих обычной жизнью. Все они оказались в Академии добровольно и не тяготились своим положением. Беззаботные дураки!

Я отвернулась, часто заморгала, делая вид, что ветром занесло соринку в глаз. Между мной и оживлённым многоголосием центральной площади словно стояла прозрачная стена, преодолеть которую было невозможно.

Чего уж скрывать? Я завидовала чужой свободе и безопасности магов с иным даром.

«Представляю эти кривые рожи... Стоит пройти рядом или сказать пару слов», – с язвительным азартом подумала я, понимая, что охрана не допустит такой вольности.

Пустотелая осмелилась заговорить! Почувствовала себя равной! Какая наглость!

Меня буквально оглушило возмущёнными и презрительными окриками в собственном сознании, затопило обидой. Как бы сложилась моя судьба, если бы...

Нет!

Я тряхнула головой, не желая скатываться в темноту и слабость. Сотни раз я повторяла про себя слова старого мага: «Ты не насекомое, не болезнь, которую следует уничтожить. Ты человек и имеешь право на жизнь».

– Не плесень. Человек, – прошептала я одними губами.

– Налево, – наконец решил стражник.

Конечно же! Никто не собирался вести отверженную через главную площадь.

Мы двинулись по узкой тропе дальше. Я сосредоточилась на дороге и приметных деталях: дерево с некрасивым наростом на коре, покосившаяся и потемневшая от времени статуя древнего бога, заросший густой травой пруд. Побег всегда входил в мои планы. Никакая сила не удержит меня в Академии, откуда не возвращаются маги Хаоса.

«Пусть только ошейник снимут», – подумала я, гоня от себя страшную мысль, что теперь это сомнительное украшение прицепилось навсегда.

Постепенно парк становился всё более запущенным и мрачным. За деревьями и кустами, похоже, никто не ухаживал. Дикий шиповник разросся, цеплялся за одежду и царапал кожу.

Стражники ворчали и ломали кусты, а у меня неожиданно задрожали колени при виде здания в конце тропы: серый камень понизу порос бурым мхом, на крыше от ветра скрипел флюгер, окна казались пустыми глазницами мертвеца. Я

неспособна была сосредоточиться, увидеть детали.

Пока меня везли в клетке или вели по парку, арест выглядел игрой или дурным сном. Теперь я заглянула в лицо собственной судьбе и ужаснулась. Корпус факультета отверженных будто шептал на сотню голосов одно:

«Ты моя, Кирстен Шип. Моя навеки».

– Что встала?! Шагай! Растеряла дерзость, кошка? – прикрикнул поцарапанный стражник.

Я не заметила, как ноги сами перестали двигаться, тело напряглось и застыло. Оттянув пальцем полоску кожи магического ошейника, я понадеялась вздохнуть глубже. На мгновение в глазах потемнело.

Неизвестность всегда пугала. Никто не знал, что происходит в Академии с магами Хаоса. Они переступали порог факультета и навсегда исчезали из мира живых.

Взгляд мой заметался по затемнённым окнам, по щербатым ступеням перед входом, по кустам шиповника в стороне от здания. Я с усилием протолкнула воздух в лёгкие, когда увидела среди кустов кладбищенскую ограду и могильные плиты.

– Двигайся! Тебя там ждут, – безразличным эхом прозвучали голоса воинов.

– Кто ждёт?! – не задумываясь, отозвалась я.

– Твой хозяин.

Смех стражи терзал меня долгую, тягостную минуту, но стих, когда мы ступили на лестницу. Тяжёлая дверь захлоп-

нулась за спиной.

3

На стенах, обшитых тёмными деревянными панелями, медленно загорались светильники. Маленькие кристаллики хаотита в начищенных до блеска лампах реагировали на движение. Зажатая в узком коридоре между несколькими крупными мужчинами, я, как когда-то в детстве, зачарованно наблюдала за простой бытовой магией. Это помогло отвлечься, задавить очередную волну страха.

«Не так уж здесь и жутко!» – успокаиваясь, подумала я.

Если уж быть откровенной, то я запуталась, не зная, чего ожидать от своего нового положения. Запущенность парка и потёртость древнего здания ничуть не отразились на обстановке внутри корпуса. Сразу видно, что в помещениях старались поддерживать порядок. Совсем не похоже на тюрьму.

Настоящих заключённых содержали в крепости на другом конце столицы: обычные воры, убийцы и мошенники всех мастей не пересекались с отверженными. Для пустотелых не существовало суда и адвокатов, правосудия или помилования.

Это всегда казалось мне несправедливым. Маги Хаоса после обнаружения и ареста попадали в Академию, где, по слухам, проходили «сортировку». Я не знала, что это означает, но догадалась, куда меня ведут, и возненавидела дрянное слово. От него веяло бездушием и унижением.

Стражники остановились в глухой, без окон, квадратной комнатке, и я замерла вместе с ними. Один широко шагнул ко мне, надавил на плечо, заставляя сесть на скамью.

– Жди.

Сделалось противно – какой послушной я стала. Невыносимый ошейник давил горло. Я нервно сглотнула. Во рту пересохло.

У сопровождающих сделались недовольные, кислые лица. Воины переглянулись. Самый старший вздохнул и неохотно ударил кулаком в единственную здесь закрытую дверь.

– Кто?! – Прозвучал из-за двери срывающийся от недовольства голос.

– Пусто... – стражник поспешно прикусил язык. – Новую ведьму привезли.

– Так сторожите её, – уже более ровно и словно с насмешкой ответили изнутри. – Я занят.

Следом раздался тихий, короткий смешок: звонкий весёлый колокольчик, который мог принадлежать лишь молодой женщине, – резкий шлепок и смех плавно перетёк в едва сдерживаемый стон.

Я покрутила головой решив, что ослышалась.

– Только этим и занимаемся, – ворчливо брякнул воин, отходя от двери.

Сколько ещё ждать и мысленно прощаться с жизнью?!

Дорога до Академии была долгой и муторной. Пошевелив пальцами на уставших ногах, я скинула сапожки, разверну-

лась, закинула ступни на скамью, подтянула колени к груди – прохладный металл небольшого, но тяжёлого ключа коснулся кожи.

Это была единственная вещь, которую я сумела сохранить из прежней жизни. И как стража не заметила ключа, одевая ошейник? Я отвлекла их, учинив скандал, а после они быстро повели разгорячённую и брыкающуюся девчонку к повозке.

Я спрятала улыбку, радуясь маленькой победе – ключ остался при мне.

Не обращая внимания на стражу, я шурилась на ореол мягкого света фиолетовых кристаллов. Тени, скрывающие резные узоры на стенах, напоминали о родной стихии. Несведущие обыватели считали хаос пустотой или сплошной теневой материей. Маги Хаоса знали, что из безвременья можно добыть настоящую силу и тот самый хаотит, используемый в домах, на городских улицах или на фабриках. Универсальная магическая энергия была повсюду.

Я думала о неведомом хозяине, обещанном охраной. От него зависело моё будущее. Какой он человек? Добрый и податливый, а может жестокий исполнитель чужой воли? Попытается ли он сломить волю очередной ведьмы?

Это мы ещё посмотрим! Моя жизнь – моё дело!

Я гордо вскинула голову, словно прямо теперь стояла перед незнакомцем, решающим мою судьбу.

Нет. Он не добр.

Голос человека за дверь показался властным и холодным. От такого не дождёшься сочувствия или понимания. Умолять я не стану. Никогда!

– Сторожите... – снова хмыкнул воин. – С утра не жравши, а он, видите ли, занят.

– А в «Толстой индюшке» сейчас жаркое подают, – мечтательно протянул молодой охранник.

Желудок отозвался болезненным спазмом. Я облизнула губы и сильнее обхватила колени, не собираясь раскисать. Не дождутся!

– Не трави душу, злыдень. – Товарищи добродушно отмахнулись от голодного вояки.

Все замолчали, но заскучав, молодой стражник толкнул приятеля в бок:

– Правду говорят, что этот Гастон Эссар сам из пустотелых?

– Ш-ш, ты! – одёрнул болтуна старший. – Не вздумай при нём ляпнуть. Напишет рапорт, что службу дурно исполняешь. Отправят на северную границу. Он у Совета магов в особой чести.

Я прикрыла глаза, делая вид, что задремала, а сама жадно слушала осторожную беседу стражников.

– На север?! Да не дай пресветлые маги! – молодой скрестил пальцы и осенил себя защитным знаменем, которым часто пользовался простой люд.

Однако любопытство пересилило страх, и молодой страж

снова шепнул приятелю:

– Что ж его Совет так отметил? Над всеми пусто... отверженными поставил.

– Он своих предал. Пошёл на сделку с Советом. Так говорят.

«Предатель», – распахнув глаза, с неприязнью повторила я и вздохнула.

Отправиться к границе с Северным городом – последним пристанищем для свободных магов Хаоса – моя мечта.

– Не мели языком лишнего, – предостерегающе бросил до этого молчавший воин и указал на меня взглядом.

Старший охранник не успокоился, наоборот, возмущённо повысил голос, забыв о своих же предостережениях.

– Говорю, что и всё говорят. Будь моя воля, убил бы, нелюдя, на месте. Столько людей погубили. Так и не успокоятся. Каждую неделю их лазутчиков-вредителей ловят...

Дверь в кабинет распахнулась. Воин скомкал последние слова, подскочил. На пороге появилась женщина.

Повинуясь непонятному импульсу, я опустила ноги со скамьи и поспешно сунула в сапожки. Придя в себя, намеренно осталась сидеть на скамье, открыто разглядывая молодую женщину.

Красавица была невероятно хороша: высокая грудь жарко вздымалась, на щеках алел румянец, идеально покрашенные губы хранили мечтательную и довольную улыбку. Дама сияла точно новенький кристалл хаотита.

Я не сразу заметила беспорядок во внешности незнакомки: несколько густых прядей светлых волос выбились из высокой причёски, туш, которой были подведены глаза, размазалась, явно дорогое платье помялось. Красавица несла себя с достоинством королевы и никому бы не пришло в голову посмеяться над ней или указать на недостатки.

За спиной, вылетевшей в приёмную, красотки были видны кусочек кабинета с пустым, массивным столом и затемнённый на фоне окна контур высокого мужчины. Он поспешно застёгивал рубашку и оправлял сюртук. Лица хозяйина я не рассмотрела.

Красавица чуть развернулась назад, выгнулась, демонстрируя привлекательные формы, словно маня и не желая покидать этого места.

– Увидимся вечером, – игриво выдохнула она. – Наш высокочтимый приглашает на собрание. Предложение, от которого невозможно отказаться. Ты будешь? – с капризной требовательностью поинтересовалась красотка.

– Несомненно, милая Элизи, – довольно безразлично бросил мужчина ей вслед и приказал: – Ведите ведьму!

Стражники засуетились, принялись поднимать меня и подталкивать к двери. Помогать им я не собиралась. Возникла лёгкая неразбериха.

Гостя рассеянно скользнула взглядом по страже и арестованной девчонке, вздёрнула подбородок и удалилась, цоккая каблучками.

Я успела понять, что передо мной стихийница с весьма посредственными способностями и отвернулась с тайным чувством превосходства. Маги Хаоса хорошо различали чужие дарования и их силу. Это знание сразу сделало красавицу менее привлекательной в моих глазах.

– Ведите! – недовольно повторил хозяин.

За одним коротким словом мне почудилось грозное продолжение: «Ведите ведьму, и я займусь ей!»

Я сжала челюсти и под давлением воинов переступила порог кабинета. Взглядомхватила изящные руки, униженные дорогими перстнями: мужчина раскладывал на столе бумаги. Он не спеша положил остро отточенный, нестираемый карандаш поверх чистого листа, рядом новую папку для документов.

Я удивилась, что у такой важной персоны нет секретаря. Вероятно, изумление отразилось на моём лице – посмотрев выше, я встретила тяжёлый взгляд серых, точно мокрый булыжник, глаз.

Мужчине на вид было чуть за тридцать. Он оглядел меня, и я немедленно почувствовала себя голой. Краска залила лицо, а в груди свело от вспыхнувшей злости на саму себя. Я не собиралась показывать волнение или смущение.

– Снимите оковы, – велел хмурый хозяин, подписывая смятую бумажку, которую протянул стражник.

Один из воинов с сомнением кашлянул, но достал тонкую пластину с рунами – артефакт, отмыкающий невидимый за-

мок. За всё время пути до Академии я так и не обнаружила его на кожаном ремешке.

Ошейник змеёй сполз с тела. Я с облегчением выдохнула, чувствуя, как возвращается воля свободно использовать дар и желания. Даже ухмыльнулась, но тут же скрыла радость – попробую побороться и докажу, что я не просто слабая девочка.

Дар незнакомого мага внушал опасения. Сильное и ровное фиолетовое пламя, видимое только последователям Хаоса, горело в груди предателя.

Я смотрела негодюю в лицо, где застыла гримаса превосходства и скуки; на дорогую одежду, богатые украшения – и скрипела зубами от ненависти.

Стража топталась неподалёку. Гастон Эссар картинно приподнял бровь и резко бросил:

– Вы свободны. Закройте за собой дверь.

Я неожиданно для себя вздрогнула, когда дверь за спиной и правда захлопнулась. Мы остались вдвоём. В маленьком камине мягко светились и потрескивали кристаллы хаотита. После обработки они давали не только свет, но и тепло.

Я набрала в лёгкие побольше воздуха, готовясь дать отпор.

В кабинете пахло сладкими духами, человеческим телом и... похотью. Сомнений, что произошло в кабинете, пока воины и арестованная торчали в приёмной, не осталось. Внезапное открытие заставило меня испытать неловкость.

Хотя я хорошо знала этот запах, даже привыкла к нему. В комнатах, которые убирала моя мать между подачей еды в трактире, витал тот же дух. Прошло не меньше десяти лет, а я продолжала помнить красные, отупевшие от вина и страстей лица посетителей трактира.

Гастон Эссар молча повернулся спиной и прошёл к окну. Одним решительным движением дёрнул раму. Свежий воздух, запахи влажной земли и коры деревьев проникли в комнату. Сразу стало легче дышать.

Он почему-то не стал возвращаться сразу, задержался у окна, глядя на траурный пейзаж с могильными плитами и диким шиповником. Высокий, с прямой, словно негнущейся спиной, Эссар казался таким же монументом, как и древние скульптуры на кладбище – поросшие мхом, выщербленные дождями и ветрами. Он, как и статуи, имел изъян.

«Предатель», – повторила я, подпитывая неприязнь, напоминая себе, с кем имею дело.

Наконец, Гастон Эссар сел за стол. В кабинете не было второго стула, и я осталась стоять, опустив руки вдоль туловища. Я готовилась, перебирала в голове подходящие магические формулы.

Увы, я умела так мало! Училась по книгам и без настоящего наставника. Ничего, я найду способ.

– Обращайся ко мне – господин Эссар, – сказал хозяин, откинувшись в кресле.

Взгляд мужчины оставался рассеянным, заполненным ту-

маном недавней страсти, недовольством и чем-то ещё мне недоступным и непонятным. Несколько светло-русых прядок прилипли ко лбу. Эссар был по-своему красив и притягивал взор.

Я рассердилась на себя ещё больше, поняв, что с интересом разглядываю этого мужчину – предателя и негодяя, продавшего своих соплеменников Совету магов.

4

Мне никак не удавалось успокоиться и сосредоточиться на заклинании. Присутствие Гастона Эссара, серые, безразличные глаза, презрительно сомкнутые губы, ничуть не портившие привлекательное волевое лицо – каждая мелкая деталь – вызывали дрожь в коленях и тревожное ожидание.

– Я декан факультета запретных заклятий, – отстранённо сообщил мужчина, словно эта информация не имела никакого значения.

Он взялся за карандаш:

– Имя.

Оно наверняка было указано в бумагах стражи, но господин Эссар не пропустил положенного процедурой вопроса.

– Кирстен.

– Полное имя, – потребовал он.

– У меня нет родового имени, – с вызовом бросила я.

Пусть знает, я никто, но это не значит, что ведьму будет легко запугать или подчинить. Мысль о сопротивлении не покидала меня. Я почти определилась с формулой, решив проверить крепость нервов предателя. В глубине души я не верила, что такой человек может отличаться настоящей храбростью.

– Прозвище, – не смутившись, настойчиво продолжил Эссар.

Всем известно, что среди бродяг и прочей нищеты, не знавшей своих корней, использовали отличительные клички.

– «Шип», – мои губы изогнулись, демонстрируя оскал.

Я всегда испытывала удовольствие, произнося своё второе имя. Сейчас я давала обещание, что стану той занозой, шипом, который вопьётся в изнеженную плоть раздетого чиновника. Я окончательно утвердилась в выборе заклинания против хозяина факультета отверженных.

– Кирстен Шип, – проговорив имя вслух, аккуратно вывел на бумаге господин Эссар.

Если он и удивился необычному для девчонки прозвищу, то ничем не показал чувств и задал следующий вопрос:

– Сколько лет?

– Двадцать, – с охотой и доверительной прямоотой отозвалась я, а сама осторожно пошевелила пальцами, нащупывая тонкие нити магии.

Маги Хаоса добывали силу из бесконечности за пределами реальности: вытягивали волокна бесформенной материи, вкладывали собственное желание и волю, чтобы получить результат. Успешное прочтение формул, манипуляции и пассы требовали практики и концентрации. У меня была проблема с обоими пунктами, но желание насолить предателю делало кровь горячее и раздувало огонь дара.

– Родители? – Эссар выдавал вопросы точно бездушный механизм.

– Мать – подавальщица в трактире. Я давно её не видела.

Показывая покорность, я оплетала пальцы нитями хаоса, чтобы далее создать нужный образ. Ожившая иллюзия несла за собой опасность для сознания и тела врага, поверившего в морок.

Гастон Эссар опрометчиво освободил ведьму от ошейника, и теперь я посмеивалась над деканом.

«Плевать, что случится с негодяем! Пусть сам разбирается. Успею выбежать на улицу и смешаться с другими студентами. Обычным магам не увидеть, кто перед ними. Доберусь до ворот или найду лазейку», – думала я со сладкой от предвкушения победы дрожью.

– Отец?

Рука Эссара с зажатым в пальцах карандашом зависла над листом. Я мысленно выругалась. Как бы я ни пыжилась, но последний вопрос выбил меня из необходимого для колдовства настроения. Я бы и самой себе не призналась, что эта тема всё ещё отзывается в сердце болезненным спазмом.

На миг я забыла о маске покорности и с ненавистью прищурилась.

– Отец – заезжий молодец, – фыркнула я, смерив Эссара колючим, насмешливым взглядом. – Наверняка такой же хлыщ, как и ты!

Декан пропустил мимо ушей откровенную дерзость и сделал пометки в своих записях. Потом он задумчиво потёр пальцами лоб, отбросил в сторону светлую прядь.

– Знаешь, кто написал донос? – неожиданно спросил Эссар.

– Догадываюсь, – выдохнула я, возвращаясь к сотворению заклинания. – Старая гримза-экономка всю плешь проела старику, что меня следует отдать на опыты.

Стражники оставили на столе часть сопроводительных бумаг, куда на этот раз декан и заглянул.

– Так и есть. Госпожа Батле. Экономка в доме учителя природной магии.

Мне почудилось разочарование в голосе Гастона Эссара. Сделав для себя определённые выводы, господин Эссар окинул меня ледяным взглядом и выпрямился в кресле.

Что произошло, я поняла несколько позже, когда прокручивала в голове разговор в кабинете. В тот момент я была слишком занята, чтобы обратить на это внимание. Декан не мог знать, что тени сгущаются позади него. Я старательно сплетала чудовищный образ из нитей хаоса. Момент отщепления приближался.

– Этот старик содержал тебя? И чем ты ему платила? – всё с тем же каменным лицом медленно произнёс Эссар и отложил карандаш.

Ах ты!

Я поняла намёк, сжала зубы, сдерживая порыв ярости и желание вцепиться декану в горло. Любое лишнее движение испортит заклинание. Я была слишком неопытна, чтобы колдовать на ходу. Осталось вложить немного волевого импуль-

са для склеивания хаотических волокон. Тело напряглось, готовое сорваться с места и отдать все силы на побег из корпуса.

Огромный паук поднялся за креслом Гастона Эссара, навис над русой макушкой, перебирая тонкими изломанными в сочленениях лапами. Верхние и нижние клыки смыкались, угрожая откусить голову. Фиолетовый пузырь брюха терялся в тенях и колыхался точно чернильная капля.

Эссар склонил голову к правому плечу, затем к левому, будто разминал шею или хотел рассмотреть ведьму под новым углом. В этом странном действии было нечто завораживающее. Мне показалось, что господин Гастон двигается в одном ритме с чудовищем, а кабинет затягивает вязкой паутиной.

– Ты спала с опекуном, глупая Кирстен Шип? – тягуче прошептал Эссар.

Он не оставил попыток больше задеть, стоявшую перед ним девчонку. Нарочно бил словом.

Я поздно поняла, что он задумал.

Я сглупила! Поддалась гневу и потеряла драгоценные секунды.

Гастон Эссар подцепил меня на крючок, которого следует избегать любому магу: перехватил магический импульс у зазевавшегося или взволнованного врага, выбил из потока. Грозное создание, сотканное мной, осталось качественной недоделкой.

Декан поднялся, вытянул руки над собой, сжал ладонями безобразную голову со множеством желтоватых глаз, будто желая свернуть противнику шею. По собственной воле маг отклонился, оказавшись в объятиях паука. Тонкие конечности с мелкими волосками сомкнулись на изящном торсе Эссара. На секунду маг и чудовище сделались единым целым – жутким порождением ночного кошмара.

Кривая ухмылка неуловимой тенью исказила чёткий рисунок рта Гастона Эссара. Мгновение, и он снова сделался безразличным.

Я осознала, что меня обыграли.

– Гад! Подавись же!

Я метнулась к двери – ручка не поддавалась, хотя я помнила, что никто выход не запирает. Оставалось распахнутое окно за спиной врага. Кабинет на втором этаже – есть шанс, но проскочить мимо Эссара невероятная удача.

– Что же дальше? Что предпримет глупая Кирстен Шип, – с шипящим выдохом поинтересовалось существо, бывшее недавно деканом факультета отверженных.

Фиолетовое пламя, горевшее в груди мага, разрослось, охватив высокую прямую фигуру. Эссар, точно древний барельеф, выступал из колышущегося паучьего тела. Я зажмурилась и потрясла головой: мне почудились лишние конечности, которые принадлежали совсем не моему созданию. Декан так же не чурался иллюзий. С громким хлопком закрылась оконная рама. Эссар всё предугадывал на лету.

– Предатель! – в раздражении я топнула ногой и осталась стоять перед столом декана.

Меня трясло от злости и усталости.

– Вот и славно, – кивнул Гастон и прикрыл глаза.

Чудовище уменьшалось в размерах и таяло, впитываясь в тело Эссара. Предатель забрал себе добытые мной для заклипания частицы хаоса. Я чувствовала себя опустошённой и обманутой. На хищном лице декана я не заметила и тени испуга, лишь скуку. Можно было предвидеть, что маг с таким сильным даром не задрожит перед ожившей материей.

Расправившись с пауком, он осмотрел кабинет, снова распахнул окно. Мелкие пичуги весело тренькали в кустах шиповника, разросшегося среди могил. Как бы мне хотелось обратиться в одну из таких птиц и улететь из Академии.

На севере я бы начала новую жизнь. Между союзными землями и свободным городом лежали мёртвые пустоши – последствие магической войны, но я не боялась преодолеть и их, чтобы жить на воле.

– Каждый второй, – одёргивая сюртук, сказал Эссар и плюхнулся в кресло.

– Что?! – Возвращаясь к реальности, я не сразу поняла, о чём говорит декан.

– Каждый второй абитуриент пытается впечатлить меня пауком. Ты не исключение.

Он посмотрел в сторону камина. На стене висел щит с изображением паука, раскинувшего лапы в символической

сети – эмблема факультета запретных заклятий.

– Абитуриент, – язвительно повторила я. – Студенты приходят в Академию, чтобы учиться. Сами! Сдают экзамены.

– Ты прошла испытание, принята и будешь учиться, – спокойно согласился господин Эссар. – С желанием и прилежанием.

Он выдвинул ящик стола и извлёк из него вещицу, похожую на браслет.

– Снова ошейник?! Нет уж! – Я попятилась, понимая, что бежать всё равно некуда.

Эссар неожиданно вздохнул и нахмурился.

– Так и знал, что с тобой будут проблемы. Подойди ближе и протяни руку. Любую.

Не хочу!

Я помотала головой, показывая, что не собирается исполнять приказ. Гастон сам вышел из-за стола, посмотрел в глаза так, что я остановилась, замерла словно мышь перед котом-охотником.

Какой пронзительный и тяжёлый взгляд – камень, давящий на грудь! Красивые глаза цвета мокрого камня. Влекущие и опасные.

У меня перехватило дыхание.

– Это не больно, – тихо сказал Гастон, прикасаясь пальцами к моему подбородку, принуждая смотреть внимательнее.

Я невольно запрокинула голову, замороженно наблюдая за частицами хаоса в тёмно-серых глазах мага. Сила дара Га-

стона Эссара привлекала и будоражила кровь. Пальцы, касавшиеся моего лица, были приятно прохладными. Так трудно устоять перед родной стихией, но я не случайно носила прозвище «Дикий шип».

– А вот это – больно! – Я сделала маленький шагок вперёд и всей тяжестью надавила на носок сапога самоуверенного декана.

Мечь была детской и бесполезной, но принесла небольшое удовлетворение. Эссар прикусил губу, сдерживая хриплый рык. Молниеносно пальцы мага оковами легли на мою кисть. Я не собиралась сдаваться и обрушила град ударов кулаком свободной руки на грудь и плечи Эссара.

– Я не собираюсь с тобой бороться, Дикий шип, – пробормотал он мне в ухо, развернув и прижав к себе.

Мы тяжело дышали. Я чувствовала позади мускулистое и разгорячённое тело. Этот жар не могла скрыть даже одежда. На первый взгляд Эссару было чуть больше тридцати – самый расцвет мужской силы.

На глазах выступили злые слёзы, и ненавидела я не только предателя, но и себя. Я ощутила, как от дыхания господина Эссара на шее поднялись волоски, а по спине прошла волна сладкой дрожи. В памяти ярко всплыли образ растрёпанной красотки и недвусмысленные стоны, доносившиеся из кабинета.

– Убей меня, убей! – на секунды теряя самообладание, крикнула я. – Справился с женщиной?! Убей и похорони под

своими окнами, чтобы каждый день любоваться на могилку!

Браслет защёлкнулся на кисти, а тиски странных объятий разжались так внезапно, что я чуть не рухнула на колени. Я стремительно обернулась и успела увидеть мертвенно-бледное лицо Гастона Эссара, словно его пронзили кинжалом и продолжают проворачивать оружие в кровоточащей ране.

Неужели негодяя так задели обвиняющие слова?

Я почувяла силу мимолётного превосходства.

Так получи же снова!

– Предатель! – Я с чувством плюнула негодяю под ноги и попыталась снять браслет.

Но это оказалось не так-то просто.

5

Необычная вещица из чёрного серебра обхватила руку паучьими лапами. Кожу обожгло будто калёным железом. Я вскрикнула, зашипела, ломая ногти, царапала по выпуклому рисунку на безделушке.

– Что за дрянь ты на меня нацепил?! Хуже ошейника! Нравится мучить людей?

Губы Гастона дрогнули. Казалось, он тихо выругался и возвёл взгляд к потолку. Я размахивала рукой, и декан снова поймал меня за кисть.

– Убьё-те... Похорони-те... Вы! Твой воспитатель не научил тебя уважению к старшим? – менее сдержанно проговорил маг.

– Он не уважал предателей! И не смей меня трогать! Прижимайся к своей белобрысой магичке со слабым даром!

Широкие, тёмные брови Эссара приподнялись – мне удалось его удивить, но взгляд был сумрачен, тяжёл. Браслет раскрылся и остался в руках Гастона. Он с облегчением выдохнул, сжал зубы, возвращая себе внутреннее равновесие, отпустил меня и больше не прикасался.

Я разглядывала круглую метку с символом паука, проступающую на коже. Фиолетовые линии на кисти становились всё чётче. Вместе с рисунком возвращался незримый кокон послушания, куда с помощью особого ошейника заключали

арестованных магов хаоса. Метка факультета обладала той же подчиняющей магией.

Так обидно!

Родная стихия, обращённая против своего носителя, воспринималась особенно болезненно. Я ощущала свой дар, могла использовать колдовство в полную силу, вытягивать из хаоса волокна материи, но не вредить. Наверное, я бы смогла сплести новую иллюзию, но настоящей опасности она не принесёт.

Не для проверки ли способностей и характера Эссар велел снять магические оковы?

Я почувствовала себя беззащитной и слабой. Обида змеёй обвила сердце. Пришлось прикусить язык, сдерживая нелестные эпитеты в адрес главы факультета. Если все, кроме Гастона Эссара, носят метки подчинения, то он истинный хозяин над ними. Стражники были правы.

– Добро пожаловать в Академию, Кирстен Шип.

Господин Эссар удовлетворённо кивнул, заложил руки за спину, со вниманием следил за переменами в поведении новой студентки. Несомненно, он видел магические нити от метки, ставшие сетью-ловушкой для бойкой ведьмы.

– Теперь, когда с формальностями покончено, поговорим о правилах. Не пытайся выйти за пределы Академии. Не подходи близко к крепостным стенам – периметр защищён магией, – предупредил декан. – Посещение главного корпуса, библиотеки и прочей территории факультетов союзных зе-

мель – под строгим запретом. Распорядок дня у входа в жилые комнаты – ознакомишься. Приказы, мои или наставников, должны выполняться быстро и без обсуждений.

– А дышать можно? – буркнула я, потирая руку с проклятым узором: кожу саднило.

– Когда я разрешу, – без тени улыбки ответил Гастон. – Не делай глупостей и береги силы. Они тебе понадобятся.

– И ты... вы берегите – пригодятся, – притворно миролюбиво пообещала я, не собираясь сдаваться.

– Ты дерзкий Дикий шип, Кирстен, – глухо сказал декан. – Это хорошо.

– Почему?

Я переступила с ноги на ногу – устала стоять, и желудок уже совсем свело от голода. Ярость, придавленная магическими оковами, угасла, оставив после себя пустоту. Хотелось лечь, свернуться калачиком и уснуть. Измотанная трудным днём, я притихла.

– Узнаешь, если повезёт, – безразлично сказал Гастон Эсар, словно теряя ко мне интерес.

Он подошёл к кристаллу, стоявшему на каминной полке, и положил на него ладонь: хаотит внутри граней вспыхнул приятным фиолетовым светом.

Раздался стук в дверь.

– Хм... Как быстро, – пробормотал декан себе под нос и громче добавил: – Заходите!

В кабинет ввалилась группа людей, и я отошла в сторону,

пропуская стражников к столу Гастона Эссара. Воины были мне не знакомы. Меня привёз другой отряд.

Сколько же их таких рыщет по Союзным землям в поисках отверженных магов?

– Арестованный из полицейского управления Сухого ручья доставлен, – громогласно бухнул бородатый и крупный охранник.

Среди мужчин я увидела человека в гражданской одежде лет пятидесяти. Круглоголовый, с мягкими чертами и белёсыми бровями он растерянно озирался по сторонам. Шею мужчины стягивал магический ошейник.

Я и без этого сомнительного украшения поняла, что привели очередного несчастного мага хаоса. Дар горел в нём не слишком ярко, но достаточно для магической практики.

– Деревенский врач, – пробежав глазами бумаги стражников, произнёс господин Эссар.

Он снова углубился в чтение, а я поймала на себе взгляды молодых воинов, стоявших позади отверженного. Оба ухмылялись и рассматривали меня с такой откровенной жадностью, точно я стояла голая и предлагала себя, а они решали: отложить удовольствие на потом или получить всё прямо сейчас.

«Мерзость!» – я сжала кулаки и отвернулась.

Залепить бы в эти ухмыляющиеся рожи отменным зарядом, да метка на руке не позволит. На миг я будто вернулась в прошлое.

Я хорошо знала подобные взгляды. Таких ошалелых от желаний и вседозволенности молодцов немало бывало на верхних этажах «Весёлого кролика». Опекун вовремя забрал меня из трактира, где работала мать. Я избежала участи живого товара, хотя и стоила золота. Женщины с даром магии хаоса редко доживали до тридцати: за пустотелого нелюдя мало кто заступится, и закон всегда был на стороне человека с полными правами.

Я часто заморгала, чтобы вернуться в реальность. Знала, что стану бороться до последнего вздоха, но не позволю использовать себя.

– Я допрошу арестованного, ждите в приёмной, – высоко приказал охране Эссар. – Оковы снимите после оформления, – будто отвечая собственным мыслям и недовольно морщась, добавил он.

– Можем посторожить девчонку, чтобы не мешала, – сдерживая смехок, предложил один из молодых стражников. – От нас не убежит.

Я похолодела, представив, что меня ждёт наедине с этой сворой крепких парней. Никаких шансов. Эссар только отмахнётся от воплей какой-то строптивой студентки под дверь. Я успела порядком потрепать декану нервы.

Вот он, стоит, безразлично смотрит на меня и стражников, хмурится собственным мыслям – недоволен. Конечно, развлекаться с пышущей жаром красоткой приятнее, чем проводить нудные допросы. Такой и пальцем не шевельнёт,

чтобы помочь.

«Хлыщ!» – Я подвела итог тревожным метаниям.

Молодые стражники переглядывались, дожидаясь решения декана. Ухмылки сделались явственней, наглее. Я поборола желание отступить к стене: подальше от воинов. В любом случае я буду кричать и сопротивляться, насколько позволит метка послушания.

– Я отдал приказ. Исполняйте! – Декан презрительно сжал губы.

Напряжённый узел в груди растворился. Утомлённый Эссар не хотел лишних проблем, поэтому осадил наглецов.

Как же иначе?!

Не ради меня или по доброте душевной декан отправил наглецов за дверь без добычи. Всё равно я мысленно поблагодарила хаос, которому мы оба служили.

– Пустотелая тварь, – развернувшись к двери, пробормотал охранник, предлагавший посторожить ведьму, но тут же получил тычок от старшего.

Воины ушли. Арестованный провёл пятернёй по выцветшим, растрёпанным волосам, выпрямился перед деканом, исполнявшим роль вершителя судеб.

Я с ненавистью сверлила Эссара взглядом.

Проклятый предатель, который помогает властям Союзных земель унижать и истреблять своих собратьев! Поставил на ведьме тавро, точно на телёнке! Его я точно не стану благодарить.

Я не знала как и когда, но верила, что заставлю Гастона Эссара расплатиться за всё и получу свободу.

– Жди. За тобой придут, – точно почувствовав внимание ведьмы, бросил в мою сторону Эссар.

Присутствие студентки при дознании явно было не к месту, но отпускать меня из кабинета декан почему-то не захотел. Он предпочёл сделать вид, что я не существую и сосредоточился на втором заключённом.

«Осуждённые без суда. Мимолётный эпизод в жизни предателя», – подумала я.

Я ощутила досаду, но сама не поняла отчего, чуть заметно пожала плечами, отвечая собственным мыслям. Я не привыкла быть пустотой, бессловесным предметом, а Эссар всеми силами принялся меня игнорировать.

В этот раз он не стал садиться на стол. Снова пролистал бумаги. Затем вложил их в чистую папку.

Я подумала, что сошла бы с ума, день ото дня занимаясь дознанием, составлением и сбором документов. Такое точно было не по ней.

– Михель Сакриан? – удовлетворившись сведениями из рапорта стражи, переспросил Гастон.

– Это моё имя, – спокойно согласился мужчина.

Перед Гастоном Эссаром он стоял твёрдо и с достоинством, будто при обычном визите в канцелярию Академии. Я поняла, что смирение арестованного проистекает не от магических оков, а является следствием характера.

Незнакомый мужчина напомнил мне недавно умершего опекуна, и сердце болезненно сжалось от нахлынувшей грусти. За один миг прошлая жизнь превратилась в блёклую картинку, стёртую временем и покрытую пылью. На руке была свежая метка.

– Вы работали врачом в Сухом ручье?

Непонятно к чему ведёт Эссар, спрашивая об известных фактах, зафиксированных в документах.

– Около тридцати лет, – отстранённо подтвердил мужчина.

– Помогали людям. Вставали ночью по первому зову. Забывали о своём комфорте и желаниях, борясь за жизнь пациента...

– Всякое случалось, – покачал головой Михель, и стало ясно – он ни о чём не жалеет.

Эссар вёл свою, одному ему известную, линию беседы.

– И эти же люди, жители Сухого ручья, написали донос.

– Они не знают иной правды, кроме той, о которой кричат на всех углах, – медленно проговорил врач.

– А вы знаете другую правду? – Голос Эссара звучал размеренно, обволакивая, внушая ложный покой.

Меня злило, что я невольно поддаюсь, вслушиваясь в каждое слово, даже соглашаюсь. Мерзавец умел чем-то зацепить сердце и вести за собой.

– Приверженность правде – слабость, стоившая нам свободы, а многим – жизни. Сколько нас осталось в Союзных

землях? Сотня, а может десяток? Вы и сами знаете, – охотно проговорил арестованный.

Михель посмотрел на декана долгим и внимательным взглядом, точно выискивая в том нечто важное. У рта и на лбу врача пролегли неглубокие морщины, тени под глазами. Путь господина Сакриана в Академию был более долгим, чем вынужденное путешествие Кирстен.

– Вам удалось продержаться в тени много лет, – бесстрастно продолжил Эссар, сохраняя на лице маску скучающего чиновника. – Однако, вас раскрыли. Как это произошло? Как они догадались, что вы последователь хаоса?

– В Сухой ручей редко добираются с проверками благонадёжности. У местной полиции нет артефактов. Они вызвали отряд из города, получив письмо с доносом. Как же изменились их лица, когда на ошейнике вспыхнули руны. За один миг я стал для этих людей мертвецом. Нет, вредным животным, место которому в клетке.

– Вы использовали магию? Почему кто-то решил сообщить о вас?

– Я никого не виню...

– Сочувствуете? – В тоне Гастона появилась заинтересованность.

– Они не понимают, что завтра могут оказаться на моём месте. Это легко происходит, если нет одного закона для всех.

– Опасные мысли, доктор.

– Полагаю мне нечего бояться. Теперь...

– Так для чего вы использовали магию хаоса?

– Иначе не мог, – уклончиво ответил Михель.

– В этом кабинете нужно говорить правду, – вкрадчиво посоветовал Эссар.

– Ребёнок соседей упал в заброшенный колодец, повредил ногу. Слишком глубоко, чтобы добраться. Селяне ранее сбрасывали вниз мусор и лом.

– И вы применили колдовство, – утвердительно подхватил декан. – Это была «Ловчая сеть»?

– Так и есть.

– Ребёнок спасён?

– Я выправил ему ногу. Всё хорошо.

– И его родители написали донос?

– Такова благодарность для таких, как мы, – сохраняя достоинство, ответил Михель.

Я думала, что Эссар возразит, не пожелает быть причисленным к изгоям, но он спросил о другом.

– Ваша семья? Что с ними? – Эссар не собирался быстро отпускать новую жертву. – Успели проститься?

У меня закипало в груди от бессильного гнева и чувства несправедливости. Мне нравился этот прямой и спокойный доктор, и я всей душой сопереживала беде Михеля.

Мужчина на несколько секунд опустил взгляд.

– Успел.

Потом встрепенулся, вскинул голову:

– Не думайте! Никто из детей не унаследовал моего дара! Они полноправные граждане Союзных земель. Старший сын увезёт мать и сестёр.

Михель осёкся, вероятно, пожалев об излишней откровенности. Гастон Эссар согласился:

– Это верное решение. Вы работали с кристаллами?

– Извлечение и накопление хаотита? Практикую, как любой взрослый маг, – с готовностью ответил мужчина.

Эссар ненадолго задумался. Тяжёлый взгляд серых, словно мокрые булыжники, глаз прошёлся по ведьме и вернулся к Михелю.

– Мне необходим врач в корпусе и преподаватель основ медицины, – сказал декан.

В дверь постучали. Гастон сам открыл следующему посетителю. На пороге возникла невысокая, тощая фигура в сером, глухом платье.

– Подожди, Урса, – бросил женщине Эссар и отрывисто обратился к воинам: – Арестованный остаётся наверху. Вы свободны. Только снимите с него ошейник.

Спустя несколько минут я вслушивалась, как стражники удаляются по коридору, чтобы покинуть корпус факультета запретных заклятий.

6

Я шла рядом с невысокой и блёклой женщиной, которую декан назвал Урсой. Мы продвигались вглубь корпуса, и я продолжала цепко всматриваться в детали обстановки, запоминать на случай побега.

Слабое жжение на коже руки напоминало о магической метке. Если клеймо действует так же, как ошейник, то добыть свободу станет очень непросто. Дар вольно пульсировал в теле, как и ярость от бессилия изменить ситуацию, но активно защищаться или атаковать врага я не смогла бы.

Доктор Михель остался в кабинете с Гастоном Эссаром. Я сожалела, что не услышу продолжение их интересного разговора. Я поняла, что врач останется в Академии. Возможно, мы встретимся на занятиях. Поставил ли мерзкий Эссар метку на будущего преподавателя?

А Урса отмечена ненавистным колдовством, подавляющим волю к сопротивлению?

Я покосилась на спутницу: тусклые, тонкие волосы гладко зачёсаны и собраны в пучок на затылке; смотрит прямо перед собой; губы строго сомкнуты; у рта морщины, а кожа сухая и необычного оттенка, словно свет хаотита пробивается изнутри тела.

– Есть иголка и нитки? – спросила я, поправляя порванный при аресте рукав.

Урса, точно погружённая в дрёму, не повернула головы, неохотно и с осторожностью ответила:

– У тебя будет новая одежда. Платье можешь оставить, но вряд ли оно тебе понадобится.

Фраза Урсы меня смутила. Во что они собираются наряжать новую студентку?! В арестантскую робу?

Однажды я видела заключённых, которых гнали по улице в сторону общественной тюрьмы. Это были обычные преступники, не какие-нибудь бесправные «пустотелые». У каждого имелась серая однотонная пара из штанов и рубахи, а на коротко стриженной макушке чудом держалась круглая шапочка. Даже женщины были одеты в этот грубый, нелепый наряд и обриты наголо.

Представив, как Урса срезает с моей головы густые, чёрные косы, я нервно вскинулась:

– Это Академия или тюрьма? Дознание... Надзирательница... У меня будет грязная роба и жестяная миска? Мы идём в камеру?

Женщина резко остановилась, подхватила меня под локоть и развернула к себе. Маленькая, иссохшая, точно погибающий росток, она несколько мгновений смотрела мне в лицо. Определить возраст Урсы было трудно. Нечёткие, смазанные черты не привлекали внимание, делая их обладательницу похожей на тень человека. Дар хаоса горел в ней ровным огнём средней силы, но будто был замутнён, покрыт тонким слоем черноты, и это не было следствием магических

ОКОВ.

Я не знала, есть ли у надзирательницы метка, но вряд ли клеймо искажило магическое пламя Урсы. Вид испорченного дара заставил меня содрогнуться, словно я коснулась плесени или гнили.

Более того, я собралась защищаться, ожидая гневных наставлений. На удивление во взгляде помощницы декана не было злости, скорее сожаление.

– Ни то ни другое, девочка, – довольно мягко сказала Урса. – Как тебя зовут?

– Дикий Шип, – усмехнулась я, вспомнив слова Гастона Эссара. – Кирстен.

– Это не тюрьма, Кирстен, но и обычной Академией трудно назвать. Теперь это твоя жизнь. Лучше сразу принять неизбежное и смириться. Так будет проще, – искренне проговорила надзирательница.

Несомненно, она знала, о чём говорит. В фиолетовых глазах Урсы появился лихорадочный блеск, увядшее лицо в полутьме коридора выглядело посмертной маской, излучающей бледное сияние добытого из хаоса вещества. Хаотит в этом мире был повсюду, содержался в энергетических кристаллах и механизмах, но я никогда не видела, чтобы человек настолько им пропитался.

– Ваш декан считает иначе, – сообщила я, наблюдая за реакцией странной женщины. – Дерзость – это хорошо.

– Он так сказал? – Она будто и не удивилась, а Гастон

Эссар каждой новой студентке твердит о пользе сопротивления.

– Во время допроса.

Тонкие губы Урсы растянулись в подобие улыбки.

– Мы все приняли неизбежное, Кирстен, и Гастон... господин Эссар не исключение. Будем справедливы: он не допрашивал тебя, а проводил опрос для отчётности. Я не тюремный надзиратель – наставница девушек. Зови меня Урсой. Обращайся, если возникнут вопросы или сложности. И забудь о глупой надежде сбежать из Академии, Кирсти. Не терзай себя. Это плохо закончится. Раньше времени...

Она сомкнула губы, оборвав последнюю мысль. Урса не пыталась запугать. Я видела, что наставница говорит открыто и со спокойным приятием, даже сочувствием. Урса погладила меня по плечу, пытаясь убедить и ободрить.

Только годы жизни в «Весёлом кролике» не прошли для меня впустую, научили не доверять добрым словам незнакомых людей. Притворщиц я на дух не переносила.

– Поганая работа – давать советы новичкам и обманывать. – Я посмотрела на спутницу исподлобья. – Не старайтесь, я не куплюсь на ваше участие. Я не наивная дуручка. Не пытайтесь залезть ко мне в душу. Знаю я таких добреньких тётушек, – прошипела я, отпрянув от наставницы.

– Ты совсем ребёнок, Кирсти, – покачала головой Урса, словно её не заделали мои колкие слова. – Хоть и выглядишь, как оформившаяся молодая женщина. Сколько тебе? – Урса

прищурила глаза, в которых и белок казался окрашенным в фиолетовый оттенок. – Восемнадцать? Думаю, не больше двадцати. Яркий дар, иллюзия, что всё возможно и обо всём знаешь...

– Я Кирстен! Кирстен Дикий Шип! – фыркнула я и высоко вскинула голову. – Оставь разговоры. Идём в твою тюрьму!

Что бы я ни думала об Академии, вели меня не в тюремную камеру. Я поняла это, когда мы спустились на первый этаж. Дар уловил магию, витающую в воздухе вместе с духом древнего здания и влаги.

– Весной и осенью здесь сыровато, – доверительно сказала Урса. – Используем пропитку из хаотита для деревянных панелей. Он помогает сохранить тепло и сухость. Если хорошенько закутаться в одеяло, то ночью не замёрзнешь.

«Какое мне дело! Я не собираюсь долго жить в этом проклятом месте!» – подумала я с раздражением.

Неудача в кабинете декана оставила на душе мерзкий осадок слабости и безнадёги. Мне так хотелось выкрикнуть грубые слова прямо в лицо Урсы, но наставница говорила спокойно и доброжелательно, словно и не случилось небольшой пикировки. Я невольно сдержала гневный порыв, наткнувшись на невидимую стену равновесия и сочувствия.

– Здесь ещё не так плохо, – произнесла Урса, кинув на меня понимающий взгляд.

Я привыкла давать отпор, постоянно бороться. Поведение Урсы было необычным и убавило пыл.

Жилые комнаты находились в другой части корпуса. Урса провела меня по старой, скрипучей лестнице, по нижней галерее, где в широких окнах промелькнул кусочек утоптанной площадки с манекенами для тренировок. Это удивило: вряд ли изгоев общества готовили к магическим боям. Атакующие заклинания магии хаоса находились под запретом.

Я ни на минуту не забывала о жгучей метке на руке. С таким клеймом бесполезно любое умение.

Небольшое путешествие по учебному корпусу завершилось в одной из комнат.

– Это спальня девушек, – сообщила наставница. – Академия не слишком щедра, когда дело касается магов хаоса, поэтому мы живём все вместе. Принесу тебе бельё и личные вещи. Обычно студентов приводят в чём придётся и с пустыми руками.

– Студентов, – привычно фыркнула я.

– Так или иначе, обучение будет, – уходя, качнула головой Урса.

– Век бы оставалась недоучкой! – бросила я наставнице в спину.

Я откровенно дерзила и противилась уготованной судьбе. Не терплю, когда решают за меня! Гнев мигом затмевал разум.

Урса ушла, а я оказалась в комнате с двумя рядами широко расставленных кроватей. Не все из них были застелены. Я насчитала девять занятых коек. При желании сюда можно

было вместить ещё больше.

Я нашла взглядом угловую постель со свёрнутым матрасом и села, вытянув ноги. Голод почти прошёл, напоминая о себе лишь смутным ощущением пустоты в животе. Я так устала, что могла думать только о ванной да подушке.

– Ладно, сегодня буду послушной. Пусть думают, что приручили Дикий шип, – прошептала я. – Отдохну и осмотрюсь.

Мельком взглянула на метку, оставленную предателем Гастоном Эссаром.

– Мерзавец! – Я могла только шипеть, вспоминая, как декан впитал магию, уничтожив паука.

А я так старалась!

Тонкие, чернильные линии на кисти переплетались в сложном узоре. Послюнявив палец, я принялась свирепо оттирать магическую пачкотню Эссара. В какой-то момент показалось, что линии бледнеют. От радости сердце забилось чаще, но спустя секунду фиолетовый контур проступил заново, принеся с собой зудящую боль. Кожа на руке покраснела.

Я была готова рычать от бессилия.

– Ты кто?

Вопрос раздался над головой так неожиданно, что я подскочила на кровати. Незнакомцу удалось тихо пройти в комнату и подобраться очень близко. Обругав себя за беспечность, я вздёрнула подбородок.

– Человек! Разве не видно?!

– Ты красивая. Человек...

Исучающий взгляд необычных сиреневых глаз был прямым и открытым. Я нахмурилась и передвинулась на постели подальше от гостя, обернулась, убеждаясь, что дверь в спальню осталась распахнутой после ухода Урсы. Так что пришелец не врвался в комнату силой, чтобы разбрасываться комплиментами.

– Это ты к чему? – опасливо спросила я.

– Говорю, что вижу, – ответил незнакомец, немного растягивая слова.

Очень светлые, почти белые ресницы на миг опустились, прикрыв сиреневые прозрачные глаза юноши.

«Мне сегодня везёт на странные знакомства», – с досадой подумала я.

– Кто ты? – Он повторил свой вопрос.

– А ты? – Я окинула его быстрым взглядом.

Узкое лицо, такие же узкие и высокие скулы, все линии какие-то угловатые, но привлекающие, способные удержать внимание, заставить любоваться чёткостью и гармонией. Он не был слишком высок, но ладно сложен и держался с достоинством. Дар ярко горел в груди юноши, говоря о потенциальной силе его магии.

Чужак! Опасный или не стоит беспокоиться?

Я перебирала в памяти, что мне известно о других расах, которых осталось не так уж много в Союзных землях.

– Думай, прекрасная незнакомка. – Юноша приятно улыб-

нулся кончиками тонких, но красиво очерченных губ.

Я потёрла лоб ладонью.

– Белые волосы, белые ресницы, очень светлая кожа, сиреневые глаза, – пробормотала я.

Юноша изящно наклонился. Манящая улыбка сделалась шире. У меня на миг закружилась голова: почудилось, что в воздухе и вокруг головы таинственного гостя кружат серебристые искорки, слетая с кончиков коротко остриженных волос.

– Все феи врут! – выпалила я. – Не проведёшь!

Звонкий смех юноши разнёсся по комнате:

– Мы мастера хитрости, но не в Академии. Тебе нечего опасаться.

Двигаясь легко, будто не касаясь подошвами пола, он встал напротив и протянул узкую ладонь.

– Нас некому представить, поэтому сделаю это сам – Эриенфеллиль Дайси Эспен Роуз.

Я чуть коснулась подушечками пальцев прохладной ладони нового знакомого. Опасения так меня и не покинули. Хаос знает, чего ожидать от факультета запретных заклятий!

– Можно я не буду повторять этот ужас? Боюсь призвать какого-нибудь слизняка из вечной материи. Ой... – Я одумалась. – Не хотела тебя обидеть.

– Все называют меня просто Лиль, – легко ответил он. – Лиль Роуз.

– А я – Дикий шип, Розочка, – насмешливо фыркнула я.

– У твоих родителей была хорошая фантазия, Дикий Шип, – Лиль ничем не выдал удивления или обиды, продолжая улыбаться.

– Твоих никто не переплюнет, – весело парировала я. – Это прозвище. На самом деле меня зовут Кирстен Шип.

– Шипы и розы... Я сразу понял – ты особенная и что-то принесла с собой.

Лиль забавно склонил голову набок, прищурил сиреневые глаза, словно видел нечто недоступное обычному взгляду. Мне стало неловко за свой потрёпанный вид. Я пригладила платье, поправила порванный рукав. В форменной фиолетовой куртке и таких же брюках из грубой ткани, Лиль всё равно выглядел как аристократ на торжественном приёме.

«Ты что-то принесла с собой», – точно эхом пронеслось у меня в сознании.

Слова юноши показались странными, встревожили. Не сдержав порыва, я быстро положила ладонь на грудь, убеждаясь, что ключ всё ещё на месте.

– О чём ты? – Я, кажется, покраснела, понимая, что выдала себя: лицо обдало жаром.

В библиотеке опекуна-учителя было множество книг по истории мира. Я хорошо помнила, что фейри не стоит доверять – очаруют речами и обманут, выведав тайны. В этом была их суть.

В начале противостояния между Союзом земель и магами хаоса коварные фейри подтвердили свою репутацию. С их

предательства началась война, которую приверженцы Хаоса проиграли и потеряли свободу.

Я недовольно, исподлобья смотрела на молодого фейри, так и ждала подвоха. Не ответив, Лиль осторожно взял меня за руку и взглянул на покрасневшую кисть.

– Не пытайся уничтожить печать. Ничего не выйдет. навредишь себе.

Я резко выдернула руку из его тонких пальцев, натянула рукав.

– Я упорная. Доложишь противному Эссару?! – с вызовом бросила я.

– Может, и паука делала? – серьёзно спросил Лиль, пропустив оскорбление.

– Отличный был паук. Загляденье! – отвернувшись, проворчала я и принялась разворачивать матрас, только бы не видеть светлого и открытого лица молодого фейри.

Я никогда прежде не встречала эту расу и не знала, бывают ли старые фейри. Вполне могло оказаться, что Лиллю не двадцать лет, а все сто. Любопытство взяло верх, и я спросила:

– Откуда знаешь про паука?

– Заклинание иллюзии «Атакующий паук» исполняют почти все новички. Господин Эссар привык и, думаю, находит это забавным. Он оценивает поступающих: по поведению, реакциям, магии.

– Так он, гад, был готов! – Я развернулась и сжала кулаки:

в груди вспыхнула прежняя ярость.

– Он выполняет свои обязанности, – пожал плечами Лиль.

– И ты сплетал паука?

– Я нет. Это не имело практического смысла. Нам некуда бежать, а я сам хотел попасть в Академию.

– Сам?!

Я с недоумением уставилась на студента.

«Фейри безумен. Это всё объясняет. Повредился рассудком после ареста», – рассудила я.

– И давно ты в Академии? – вкрадчиво поинтересовалась я.

С сумасшедшими следовало вести себя осторожно.

– Два года, – всё так же спокойно ответил Лиль. – На факультете отверженных нет деления на курсы. Мы все учимся вместе, пока созревает дар, осваиваем навыки работы с Хаосом.

Распахнув глаза, я внимала словам фейри, пыталась осмыслить.

В моей голове, точно в огромном котле, варилось ядовитое зелье из мыслей и предположений: зачем в Академии обучают запретной магии, куда маги попадают после созревания дара и многие-многие другие.

Впору и самой свихнуться!

– погоди! – Я поняла, что терзало с первой минуты знакомства с необычным студентом. – Ты фейри! Последний маг хаоса вашей расы погиб во время опустошающей битвы

на северной границе.

– Я первый, кто родился с этим даром спустя столетие. Дар и проклятие, – Лиль замолчал.

По светлому лицу фейри трудно было понять отношение к судьбе отверженного. Жалел ли он, что его жизнь сложилась не так гладко, как у других благородных сородичей.

– Не считаю себя проклятой, – возразила я. – Горжусь, что родилась ведьмой, а не какой-нибудь стихийницей со слабеньким пламенем.

– Ты голодна? – неожиданно спросил Лиль. – Не ври, что нет! Все новенькие голодны после ареста и дознания. Это долго и выматывает.

Фейри метнулся к двери, словно пролетев над землёй, взял со столика у входа свёрток. Видимо, Лиль сам кинул пакет, когда заглянул в спальню девушек. Урса оставила дверь открытой.

– Ты опоздала на ужин. Держи!

Он протянул мне что-то мягкое и тёплое, завёрнутое в промасленную бумагу.

– Булочка? – В животе заурчало от сладких ароматов ванили и фруктов. – Спасибо.

– На здоровье, прекрасная Кирстен.

Лиль улыбнулся, отошёл к окну, ловко подпрыгнул и присел на широкий подоконник, болтая ногами точно озорной мальчишка. Было заметно, что ему нравится наблюдать за новенькой.

Он казался таким хрупким, лёгким, что свойственно фейри, но в юноше со странным именем чувствовалась настоящая сила. Лиль заинтересовал, как запертая шкатулка, содержимое которой было мне неизвестно, но призывно брэнчало.

Я не стала воротить нос от предложенной еды и быстро вцепилась в подарок зубами. Булочка оказалась свежайшей и очень вкусной: с фруктовой начинкой и растёртым сахаром сверху. Я подумала, что давно не ела ничего вкуснее.

После смерти опекуна змеюка-экономка перестала звать к столу и прятала ключи от кладовки, всё дожидалась наследников хозяина, а потом написала донос.

Урса маленьким приведением возникла на пороге спальни. Наставница несла стопку белья и большие свёртки. Проговорила находу:

– Примерим, а там поглядим...

Она заметила гостя и вопросительно приподняла одну бровь.

– Лиль?! У вас закончились вечерние занятия?

Фейри соскользнул с подоконника и чуть поклонился.

– Господин Сван отпустил юношей для свободного отдыха.

Скинув стопку постельного белья и свёртки на кровать, Урса покосилась на бумагу в моих руках. От булочки ничего не осталось.

– Вижу, тебя уже покормили, – не то строго, не то устало

сказала наставница. – Хотела предложить остатки ужина, но холодная каша после сладостей нашего заботливого фейри...

– Я сыта, – я грубовато оборвала Урсу.

Хотелось добавить:

«Оставьте себе вашу кашу! Презираю Академию, её порядки и вашу заботу! Ничего мне не нужно!»

Урса нахмурилась и обернулась к Лилю.

– Опять ходил в общую столовую? Ты же умный парень! Однажды тебя поймают, Лиль Роуз. Я вынуждена доложить Гастону... господину Эссару, о нарушении правил.

Тот безразлично пожал плечами:

– Докладывайте.

– Ничем вас не проймёшь, пока гусь за...пятую точку не ущипнёт, – Урса махнула рукой и обратилась ко мне: – Примеришь форму, если не сойдётся, завтра подберём другую. Обычно я угадываю.

Она, заметно торопясь, ушла. Я сложила мятую промасленную бумагу и спросила:

– Лиль, где ты взял булочку? Кажется, декан говорил, что нельзя ходить туда, где учатся обычные студенты.

– Украл, – криво ухмыльнулся фейри.

Мне почудилось, что у Лиля покраснели кончики ушей, однако глаза задорно сияли. Он вполне был доволен собой и ничуть не стыдился. Ладно безродная девчонка, рождённая в «Весёлом кролике», стащит у торговца пару пирожков или связку колбасок. Но благородный фейри!

В красках представив похищение булочки красавцем фейри с внешностью и статью аристократа, я фыркнула:

– Вот так просто?!

– Непросто, – не скрывая гордости сообщил Лиль. – Я долго тренировался. Моя раса легко отводит людям глаза: особенно в толпе таких же студентов. Достаточно надеть обычную куртку, подобраться ближе к прилавку с подносами и... – Он сделал круговое движение рукой. – Булочки в пакете! Каждый по-своему борется с несправедливостью.

Лиль развёл руки в стороны, как бы прося прощение за дерзость.

– И тебя ни разу не раскрыли? – восхитилась я. – Эта... надсмотрщица Урса сказала, ты часто проделываешь подобные фокусы.

– Никто, кроме своих не видит нашей запретной магии, не отличает от обычных людей. Сама знаешь!

– Стихийники от этого бесятся, – весело согласилась я.

– Они привыкли всё держать под контролем. Незнание может быть опасным, поэтому маги Союза придумали метки и артефакты для проверок.

– Заклеймили нас, как скот!

Я наконец вздохнула полной грудью, почувствовав, что Лиль понимает меня с полуслова.

– Это страх перед непостижимым, Кирсти, а ещё алчность. Стихийники готовы на многое ради хаотита. За сто лет Союз земель стал единственным поставщиком этого цен-

ного ресурса.

Лиль подошёл ближе и взял меня за руки. Я не стала сопротивляться, позволив ему это небольшую вольность. Я словно плыла в потоке тёплой и ласковой воды. Серебристые искорки медленно осыпались с белых волос Лиля и кружили в воздухе.

– Ты решил очаровать меня магией фейри? – не задумываясь, спросила я.

– Не предполагал. Пока... – тихо отозвался Лиль. – Пытаюсь найти ответ на загадку. Зачем ты здесь, Кирстен Шип?

– Хотела бы я знать, – в тон новому знакомому произнесла я. – Спроси у надменного декана.

Несколько секунд мы молча смотрели в глаза друг другу. Огонь дара магии хаоса горел сильно и ровно, сердца бились в унисон. Вдвоём мы смогли бы побороться с обстоятельствами, попробовать бежать в Северный город...

Так я подумала, но тут же засомневалась, вспомнив слова Лиля. Фейри добровольно пришёл в Академию. Он не станет помогать с побегом. Если не хуже...

Пальцы выскользнули из сильных и прохладных ладоней Лиля Роуза: он такой же чужак, как и Гастон Эссар или Урса. Я совсем его не знаю.

– У тебя есть причина не доверять фейри, – медленно подбирая фразы, сказал Лиль.

И всё же мне не хотелось обижать нового знакомого:

– Причины не доверять всем.

– Я понимаю. Тот, кто сам явился в это гиблое место, может показаться безумцем или предателем. – Его взгляд затуманился. – На нас сто лет висит это проклятие. Мой народ был обманут магами Союзных земель. Они превозносили нас, осыпали подарками и обещаниями. Мои предки проявили слабость и стали орудием в руках мерзавцев. В итоге северные земли фейри превратились в смертоносную пустыню, а твой народ продолжал спасать нас, простив предательство.

– Я слышала, что за стенами Северного города все равны: люди, фейри, маги или обыватели без дара. Даже стихийники, выступившие против притеснений. Однажды я доберусь туда. Пойдёшь со мной? – Я подмигнула.

Неужели ванильная булочка и красивая мордашка способна лишить меня осторожности?

– Легко спрятаться за высокими стенами и магической завесой Северного города. – Лиль строго сжал тонкие губы. – Ты не думала, что твоё место здесь?

– Ну уж нет! С чего это?!

На короткий миг я решила, что и правда имею дело со свихнувшимся фейри. Кто знает, что в Академии делают с магами хаоса?! Каким испытаниям подвергают?!

– Чтобы всё изменить, исправить прошлое и освободить людей.

На бледных щеках Лиль проступил румянец, глаза горели. Он искренне верил в то, о чём говорил.

Я поняла его, но не согласилась:

– Тебя тяготит прошлое твоего народа? Задумал искупить чужую вину? Разве это возможно сделать в тюрьме? Безумие!

– Нет, я не безумен, – решительно повторил фейри. – Иногда я буду говорить странные слова. Я из рода оракулов, и сам не понимаю, откуда приходят подсказки. Ты, я, остальные... Мы не случайно оказались в Академии.

– Скажи ещё, что и предатель Эссар не случайно поставлен над нами, – недовольно заметила я. – Задумка великих оракулов...

– И Эссар, – твёрдо ответил Лиль. – У хаоса отменное чувство юмора, прекрасная Кирстен. Однажды ты убедишься в этом.

Я тряхнула головой, не представляя, что и думать. Лиль немного пугал, но и притягивал. Никогда не имела дела с фейри. Красивое, светлое лицо Лиля дышало наивностью юности, а слова принадлежали будто и не ему вовсе, а древнему существу, испытанному жизнью.

– Ты не боишься быть настолько откровенным с незнакомым человеком?

Сиреневое сияние в глазах Лиля стало ярче, улыбка коснулась губ. Своё мнение он отстаивал с пылкостью и упорством подростка. Это меня опять смутило и запутало.

Лиль лукаво прищурился:

– Я неправильный фейри. Отец всегда ворчал, что фейри,

который не умеет лгать, обречён на раннюю смерть.

– И ты решил покончить с жизнью, поэтому сам пришёл в Академию, – попыталась пошутить я.

– Я сделал то, что должен был сделать. Так сказали оракулы.

– Решили избавиться от правдивого фейри? Извини. У меня был трудный день. Я несу чушь. Булочка была очень вкусной.

Лиль кивнул:

– Чем я могу помочь тебе?

– Просто побудь рядом. Ладно? А то немного, и я сама сойду с ума.

Я занялась постелью, а Лиль присел на подоконник и тихо рассказывал о доме в южных горах, где родился и вырос. Образы холмов, поросших густой зеленью и яркими цветами, белёного дома с красной черепичной крышей и флюгером вставали перед глазами. Тени и лица настоящего на время померкли.

Голос молодого фейри успокаивал. Мне казалось, что жизнь налаживается, возвращается в обычное русло, будто я по собственной воле поступила в магическую академию.

Мы проболтали до сумерек, сгустившихся за окном и словно прильнувших к стеклу. Контуры сада чернели угольными фигурами. В комнате медленно разгорались световые кристаллы. На потемневшем фоне белые волосы фейри засеребрились туманным ореолом.

Я механически расправляла постель и думала о первом студенте, который встретился в ненавистой Академии. Лиль не выглядит несчастным и замученным. Трудно было поверить, что декан не имеет в запасе нескольких гадких сюрпризов. Чего ещё ждать от предателя?!

Не могут же на факультете обучать магов хаоса, как тех беззаботных глупцов у главного корпуса! Да и зачем это Совету стихийных магов? Правители Союзных земель никогда не отличались бесполезной для себя добротой.

Лиль внезапно оборвал рассказ и спрыгнул с подоконника. Послышались приближающиеся гомон и смех.

– Госпожа Урса закончила урок. Сейчас станет шумно, – он рассеянно заморгал и улыбнулся.

История о доме и его погрузила в приятные грёзы, позволив позабыть о положении заключённого в Академии магии.

В комнату, переговариваясь, возвращались девушки. Сейчас я лицом к лицу столкнусь с будущими сокурсницами.

Я не успела посмотреть, какую одежду принесла наставница и теперь поняла, что хранится в свёртках. Все восемь соседок носили фиолетовые брючки и курточки поверх светлых льняных блуз. Женская форма ничем не отличалась от одежды Лилия. Просто и практично.

В первый момент девушки показались мне по-сестрински похожими, выделяясь лишь цветом волос и ростом. Всполохи дара бились в каждой с большей или меньшей силой.

– Смотрите, новенькая! – звонко воскликнула самая невысокая девушка с медными волосами. – Хорошенькая!

На вид ей было не больше шестнадцати. Она широко распахнула большие светлые глаза и смотрела с добрым любопытством.

Меня тут же обступили, разглядывая платье и причёску, осторожно касались ткани и заплетённых кос. Со всех сторон неслись вопросы:

– Это так теперь носят? Рукав порвали. Стражники тебя били?

– Ты из столицы? Где пряталась? Родные живы? Они из наших?

– Волосы сама заплетала? Мне так же сделаешь?

Я крутила головой, не успевая за потоком слов, и заметила, что несколько девушек не присоединились к подругам.

– Лиль! – завопив, светловолосая девица кинулась к фейри на шею и повисла точно куль с мукой. – Я всё занятие проскучала без тебя!

Лиллю пришлось крепко подхватить её за талию, чтобы она не рухнула, утащив за собой и приятеля. Девица тут же всем телом прижалась к фейри и что-то жарко зашептала на ухо.

Я сжала губы и отвернулась: кольнуло смутным раздражением на незнакомку, так по-хозяйски обнимающую Лиллю. Светловолосая подружка щебетала с деланной беззаботностью и оглаживала смущённого фейри. Я поймала на себе победоносный и предостерегающий взгляд тёмных, колючих глаз.

Фу... притворщица! Не люблю таких!

Я отвечала на вопросы, а сама нет-нет да посматривала, что делает парочка у окна.

Были и другие девушки, кто не проявил интереса. Две студентки молча застыли у входа: плечи и руки безвольно опущены, сложены перед собой, взгляд устремлён в пол.

Они напоминали блёклую Урсу и показались мне тонкими, полупрозрачными тенями на фоне живой энергии подруг. Их дар был подёрнут неприятной, склизкой дымкой.

– Так, галчата! Слушаем меня! – громко возвестила Урса, появившись в спальне. – Готовимся ко сну! И оставьте новенькую в покое. Наговоритесь вдосталь, если не поубиваете друг друга. Илма, детка, отпусти Лиля. Ты его задушишь. Вон он уже синее или это отсвет кристаллов? Никак не разберу! Лиль, на выход!

Наставница на одном выдохе раздала указания, а я решила, что у «сухаря» Урсы, пожалуй, есть чувство юмора.

«Илма, значит. Я запомню», – подумала я, косясь на белобрысую прилипалу.

– Слушаюсь вашего повеления, госпожа Урса, – очаровательно улыбнулся фейри, высвобождаясь из цепких пальчиков блондинки.

Лиль, успев подмигнуть, с поклоном удалился. Я прочла во взгляде сиреневых глаз: «Не унывай! Мы ещё поборемся». И я твёрдо знала, что не отступлю и добьюсь освобождения.

Сейчас у меня голова шла кругом, а разноголосая компания расплзлась по своим местам. Урса тяжело присела на одну из кроватей, потёрла бледное, осунувшееся лицо и устало оглядела девочек.

– Покажите Кирстен, где можно привести себя в порядок.

Белокурая Илма повела плечами, точно сбрасывая невидимую руку, сделала вид, что занята своими делами, но и без неё нашлись добрые души. Парочка студенток взяли меня под руки и наперебой принялись объяснять, что душе-

вая в корпусе одна, но с несколькими кабинками, как и прочие удобства. Мыться они ходят по графику, который висит здесь же у двери вместе с прочей важной информацией.

– Посмотри свёртки, – напомнила юная студентка с медными волосами. – Там есть всё, что нужно.

Обнаружив халатик среди новой одежды, которую принесла наставница, я хмыкнула:

– А я готовилась вышагивать голой по коридорам Академии. Вот бы лицо было у декана!

– Господин Эссар на нас и не смотрит, – медноголовая девчонка вздохнула и, покраснев, опустила взгляд.

«Понятно. У господина Эссара очень много важных дел с белобрысой стихийницей», – ехидно подумала я.

8

О, чудо! На факультете была горячая вода! Кристаллы халита трудились без усталости.

Меня разморило после душа, но, лёжа на узкой и жёсткой постели, я заснула не сразу: думала, что тут же забудусь, едва коснувшись головой подушки, а вышло иначе.

Я словно опять стала десятилетней девочкой, привыкающей к новому дому, чужой комнате, вещам и незнакомым людям. После жизни в трактире дом опекуна стал для меня сказочным дворцом, не то что рассыпающаяся от древности Академия с тюремными порядками, где я обосновалась теперь.

Я долго таращилась в потолок, вслушивалась в размеренное дыхание девочек и наставницы. Жизнь Урсы ничем не отличалась от быта студенток, тесно переплеталась в мелочах и укладе. Такого я не ожидала, хотя ничего не знала о порядках в Академии.

Нервное возбуждение дня не покидало. Перед глазами, вопреки желанию, всплывали образы холодного Гастона Эссара, раскинувшего руки в объятиях паука, и Лиля с серебристым ореолом вокруг головы: ясные глаза юного мага казались чистым хрусталём.

Илма неизменно появлялась рядом с приятелем и грузом висла на молодом фейри, а белокурая красотка Элизи с ник-

чёмным даром стихий заразительно смеялась прямо в лицо новоявленной студентке.

Я решительно перевернулась на другой бок...

Притягательный, мужественный Эссар и в воспоминаниях оставался презрительно спокойным. У меня тряслись колени, а сердце в груди то замирало, то неслоь вскачь. Казалось, я должна отстоять себя, победить врага, скрытого в тени.

Я распалая в душе ярость, чтобы не думать о том, как декан прижал меня, чувствовала опасность и... что-то ещё, неуловимое и раздражающее.

Видела я и другое лицо Гастона: застывшее болезненной маской, помертвевшее всего на мгновение, но вьевшееся в память.

Что я ему сказала? Чем зацепила настолько сильно, что бесчувственный бюрократ потерял самообладание?

Всё детали стёрлись под натиском событий и переживаний.

«Отстань! Чего привязался?! Ненавижу предателей» – Разозлившись, я ткнула кулаком подушку и опустила веки.

Сон милостиво коснулся сознания. Ненадолго задремав, я очнулась от дуновения ветерка. Приоткрыв глаза, заметила, как в дверь выскользнула маленькая девичья фигурка, мелькнули медные локоны. Я удивлённо приподнялась на постели.

Куда это Жюли направилась среди ночи?!

Я огляделась – все спали. Кровать молоденькой колдуньи пустовала, халатика не было на стуле. Из разговоров вечером я выудила немного сведений о студентках, с которыми мне предстояло жить. Жюли оказалось чуть больше шестнадцати: открытая, любознательная и наивная девочка. Какое дело могло заставить такую голубку красться в темноте?

Мысленно пожав плечами, я откинулась на подушку и задремала.

Во второй раз из небытия меня выдернули странные звуки, словно где-то под кроватями, в пыльном углу забился котёнок и жалобно попискивал. Чем яснее становилось в голове, тем чётче трагичное мурлыканье обращалось всхлипами.

– Спокойно, девочка, спокойно. – Узнаваемый шёпот Урсы был со сна чуть хриплым.

Приоткрыв глаза, я разглядела две скрюченные фигуры на постели Жюли. Худенькие плечи студентки вздрагивали, опущенная голова прижалась к груди наставницы. Урса гладила Жюли по волосам и спине.

– Сколько раз я просила не ходить к Гас...к господину декану, – ласково увещевала Урса. – Не мучь себя и не требуй невозможного. Ты ставишь его в неловкое положение. Ну что нам с тобой делать? Вот и рубашку порвала. И где умудрилась зацепиться?

Жюли тоненько и отчаянно подвыла, отзываясь на слова наставницы. Спящие девушки заворочались в постелях, но ни одна не проснулась. Или все сделали вид, что ничего не

слышат.

«Во дела! Малышка Жюли влюблена в мерзкого предателя?» – изумилась я и сделала уверенный вывод, сильнее возненавидев Эссара: – «Заморочил девчонке голову и бросил».

Я не ожидала почти материнской теплоты от Урсы, но той удалось удивить.

– Ложись, – шепнула Урса плачущей девушке. – Давай! Утром всё станет иначе. Вот увидишь!

Некоторое время я слышала, как Жюли сдерживает рыдания, а Урса со вздохом устраивается в кровати, чтобы поспать ещё пару часов. Напрасно я думала, что богатый на события день окончен и реальность приобретёт более понятные очертания. Небольшое сообщество магов хаоса, заточённых в Академии, хранило собственные секреты.

За окнами начало светать, когда меня будто толкнуло изнутри. Я ощутила всплеск магии поблизости, встрепенулась, таращась в полумрак комнаты. Происходило нечто непонятно и необычное.

Жюли свернулась калачиком на краю постели и с головой накрылась одеялом. Девочки дышали спокойно, но я продолжала чувствовать на себе чужой взгляд. Две маленьких алых точки, окружённые дымкой, вспыхнули над моим одеялом. Фиолетовый сгусток уплотнялся и обретал форму.

– Какого демона! – прошипела я, но не двинулась с места, наблюдая за появлением уродливого существа, примостившегося в ногах.

Я подтянула колени к животу и села, опираясь на железную спинку кровати. Сегодня днём я удачно сплела материю хаоса в иллюзию огромного паука, чтобы напугать декана. Теперь кто-то повторил фокус, заменив отвратительного арахнида на банальную крысу. Злые красные глазки, туманная фиолетовая шерсть, кривые зубы, торчащие в распахнутой прорехе рта: такое вряд ли захочешь увидеть под утро в собственной постели.

Я выровняла дыхание, обдумала ситуацию: у всех в корпусе отверженных поставлены ограничивающие метки; никто не причинит настоящего, смертельного зла, просто не сумеет преодолеть магический запрет.

Пугающий образ был создан магом хаоса, значит, его возможно уничтожить, как это сделал Гастон Эссар. Декан попросту сожрал магию ведьмы. Почему бы и ей не забрать чужую материю себе?

Я не спускала глаз с дымчатого монстра. Поделка вышла нелепой и грубой. Вспомнив заклинание поглощения, я потянулась и шлёпнула ладонью по крысе. Пальцы провалились в пустоту. Короткий импульс магии хаоса прошёлся по телу, наполнив меня дополнительной силой. Рядом мелькнула чужая тень.

Не успев ничего сообразить, я оказалась опрокинута навзничь поперёк кровати. Сверху навалились, придавили грудь коленом, подушку кинули на лицо.

У меня потемнело в глазах. Я с хрипом втянула воздух,

которого сделалось так мало, что это отозвалось в груди болезненным ужасом. Паникуя, я выгнулась, слепо заколотила руками и ногами, стараясь попасть по неизвестному врагу и сбросить подушку. Несколько раз удары достигли цели, и хватка нападавшего ослабла.

Магическая печать, оставленная деканом, сдерживала в желании дать настоящий отпор, но и враг страдал от того же бессилия. Ощутимые щипки обожги предплечье, бок, бедро: места, куда беспорядочно прикасались чужие пальцы.

В детстве мне случалось драться и уворачиваться от ударов мальчишек старше себя. Жизнь в трактире с сомнительной репутацией всегда проходила на острие настоящей борьбы. Хозяин забегаловки и комнат для свиданий старался побыстрее избавиться от нежеланных последствий случайных связей. Я задержалась в трактире несколько дольше обычного, а дети из «Весёлого кролика» всегда были объектом насмешек для жителей квартала.

В этот раз враг дрался неумело, используя слабые тычки. А чего ещё можно ожидать от одной из соседок по спальне?

Проклятая печать оставила юным колдуньям мало возможностей для атаки.

Утренний свет постепенно просачивался в комнату, но я пока не видела лица соперницы, шурилась и извивалась змеёй, следуя интуиции.

– Самая хитрая, да?! – глухое сопение и ядовитый шёпот просочились в сознание. – Думаешь, состроила глазки, под-

мигнула, булочкой угостилась, и дело сделано? Предупреждаю, козявка – Лиль мой! Я его два года приручаю! Это мой парень!

– Илма?! – догадалась я, собралась с силами и отпихнула разъярённую девицу. – Приручай дальше, раз считаешь его зверушкой! А я позволю Лилю самому выбрать, с кем дружить!

Одним рывком я сменила позицию. Блондинка перевалилась набок. Светлые пряди закрыли глаза.

Она взвизгнула:

– Не смей и смотреть в сторону фейри!

Откинув подушку, я оседлала Илму и за кисти прижала к постели.

– Всё? Успокоилась?! – Я не сдерживалась. – Тронешь меня снова, и я тебе патлы вырву! Будешь лысая Лиля соблазнять! Я – Дикий Шип! Запомни и обходи стороной!

Я хорошо знала, что врага следует сразу поставить на место, показать силу и решимость. Получив отчаянный отпор и расквашенный нос, большинство насмешников из нищего квартала не торопились повторить стычку.

Илма брыкалась и фыркала. Спальня ожила, очнулась от сонного забытья. Девочки приподнимались в кроватях, таращась на драку.

Урса кинулась ко мне, гордо восседавшей на придавленной блондинке.

– Илма! Кирсти! Что вы творите?! Остановитесь!

Наставница обхватила меня и потянула назад, а поверженная Илма соскользнула на пол, пнув напоследок коленом.

Вот зараза! Больно!

Илма побежала к двери.

– Никак не уймёшься! – взвинченная выходкой, я схватила подушку, успевая догнать девицу и треснуть несколько раз промеж лопаток.

Мы вылетели в коридор под дружные крики соседок:

– Давай! Кирсти! Так её!

Поддержка меня вдохновила. В пылу борьбы я не заметила, что по широкой галерее шли двое людей, к чьим ногам мы с визгами и повалились.

– Признай, что проиграла, белобрысая! – торжествующе провозгласила я, снова оседлав притихшую нахалку. – Диккий Шип всегда побеждает!

– Кирстен Шип! – Точно ведро ледяной воды вылили за шиворот, так прозвучал знакомый мужской голос.

Я вскинула голову, успевая рассмотреть красотку-стихийницу в элегантном вечернем наряде, с идеально уложенными белокурыми локонами и скучающим взглядом. Элизи, кажется так, звали любовницу Гастона Эссара, смотрела на нас с досадливым недоумением.

Мы замерли на полу перед самым предателем Эссаром. Приталенный, с серебряными пуговицами, тёмный сюртук плотно облегал высокую, стройную фигуру, подчёркивал широкие плечи и несгибаемую прямогу мужественной спи-

ны. Он выглядел словно завсегдатай светских вечеров столичной аристократии. Стало ясно, что вместе с Элизи они провели ночь вне стен корпуса.

– Привести себя в порядок и немедленно в мой кабинет. Обе!

За внешним холодом декана бушевала настоящая ярость. Мой дар помог ощутить это пламя. По спине предательски поползли мурашки, и задрожали колени. Собственный огонь сжался в груди до маленького, тугого шарика, мешавшего дышать.

Я внезапно осознала, что сижу в одной ночной рубашке, растрёпанная и разгорячённая потасовкой. В душе заворочалось что-то похожее на стыд. Так непривычно и неожиданно.

Какого демона Эссар смущает меня?!

– Давно пора усмирить этих диких девиц, – фыркнула Элизи, кутая обнажённые плечи в тонкий, воздушный шарф. – И как ты терпишь этих несносных животных?

Гастон Эссар резко развернулся на каблуках и не оглядываясь пошёл прочь, только бросил сквозь зубы:

– Позволь напомнить, что я один из них, Элизи. Идём, я отдам бумаги для Америуса.

«Сама ты животное! Ещё и со слабой магией», – со злой обидой подумала я, сверля взглядом затылок Элизи.

Перед глазами ожили образы, которые я никак не могла видеть, но воображение дорисовало всё в самых ярких красках: Гастон сжимает в объятиях белокурую красавицу, впи-

вається поцелуєм в пухлі губи, толкає смеючись Елізи на стіл, звідки передумовитально убрані папірці і карандаші...

– Дрянно! – Кулаки сжаліся самі собою.

Я не сразу вернулась к реальности. Наставница замешкалась, пока надевала халат: выбежала из комнаты к окончанию событий. Поджав губы, Урса за руки повела нас в спальню.

– Взрослые девицы, а что творите?!

Урса покачала головой, рассказывая меня и Илму по кроватям: оставалось подчиняться и молча сжигать соперницу взглядом. Будет мне ещё иллюзорных чудовищ подкидывать!

Наставница встала между кроватями, словно секундант перед дуэлью. Я читала о поединках, когда опекун научил меня складывать буквы в слова. Он всегда поощрял мою тягу к книгам. Так я о многом узнала. В том числе и о дуэлях между аристократами.

– Сейчас приведёте себя в приличный вид и пойдём к господину Эссару. Что за кошка между вами пробежала? – поинтересовалась Урса.

– Новенькая накинулась на меня. Я тут ни при чём! – вздёрнув носик сообщила Илма. – Она хотела натравить на меня иллюзию! Я проснулась, когда новенькая шарилась у меня в тумбочке. Воровка!

– Верно, тебе показалось со сна, – покачала головой Урса.

Илма надула губы, миловидное лицо некрасиво скривилось.

– Так стыдно перед господином деканом. Какой позор! – нарочито громко взревев, она упала лицом на подушку.

Я на миг забыла о негодяе Эссаре и, распахнув глаза, уставилась на Илму – чуть не задохнулась от возмущения.

«Спокойно, Дикий Шип, спокойно», – я сделала несколько медленных вдохов. – «А чего ты ожидала от тюремной крысы?»»

9

В Академии неизбежно наступал новый день. Декан велел привести себя в должный вид, перед выволочкой. Этим мы и занялись.

Одевшись, Урса подгоняла всех, призывая подниматься, чтобы всё успеть. В корпусе отверженных даже умывание проходило по строгому графику.

– Встаём, галчата! Скоро очередь мальчиков. Не успеете – пойдёте на завтрак невымытыми, нечёсанными, – бодро командовала Урса, успевая сказать несколько слов каждой из подопечных. – Растолкайте Жюли, пока мы с нашими драчуньями у господина Эссара. Зоуи, ты опять не постелила покрывало. Поторопитесь!

Как ни была я поглощена мыслями о визите в кабинет декана и злостью на Илму, но одеваясь поглядывала по сторонам. Для пленницы Академии магии важно понять, что из себя представляет окружение и уклад жизни. Сейчас я никому не доверяла. Особенно после выходки ревнивой сокурсницы.

Ничего же не сделала! Подумаешь, булочку съела!

Девушки-тени, которые вчера не проявили никакого интереса к новенькой, оставались молчаливыми и безучастными. Они выполняли все необходимые действия, походили на живых людей, только на бледных лицах ничего не отража-

лось, а взгляды были опущены.

Почему у них пустые глаза и кожа с фиолетовым оттенком? Совсем как у наставницы. Урса всё же больше похожа на человека, а эти словно механические куклы.

Я не понимала, что с девушками не так, неправильно. Загадка отзывалась в душе смутной тревогой. Будущее слишком непредсказуемо. Вдруг и меня ожидает нечто подобное?!

Вспомнив о ключе, я поспешила убедиться, что безделушка всё ещё висит на шее, а не потерялась во время потасовки с Илмой. Когда-то давно я позаботилась о крепком шнурке для своеобразной подвески, а опекун зачаровал верёвочку.

У меня не осталось других ценностей, которые связывали бы с прошлым. На миг я погрузилась в тягучее болото сожалений, но немедленно отбросила вредную жалость к себе. Я не опущу руки и не смирюсь.

– После завтрака собираемся в зале для турниров, – строго сообщила наставница.

Минуту назад Урса напоминала озабоченную и заботливую мать большого семейства, а теперь в голосе появилась сталь: никто не увильнёт от неприятных обязанностей.

Она осмотрела комнату и лично сдёрнула одеяло с заспавшейся студентки:

– Жюли, поднимайся! Ночь для сна. День для работы.

Жюли так и лежала, свернувшись калачиком и обхватив худые плечи руками, но не спала. Под покрасневшими от

слёз глазами залегли тени, губы были искусаны в кровь.

– Господин Эссар снова не соблазнился на рыжюлю-красотулю, – нарочито громко пропела Илма, уперев кулаки в бока и стреляя глазами в сторону Жюли. – У декана есть настоящая женщина. Госпожа Элизи такая красавица! Зачем декану жалкое подобие.

На неё тут же зашикали со всех сторон:

– Прикуси язык, змеюка.

У меня сердце сжалось от жалости. Следом в груди вспыхнуло негодование.

Жюли бегала к Эссару, а он провёл ночь на балу с белобрысой стихийницей. Неужели это так расстроило девчонку? Что этот негодяй сотворил с ней? Чем привязал к себе?

Я не верила, что студентка по собственной воле рвётся ночами в апартаменты декана. В моём воображении комнаты, где жил Эссар, сияли роскошью и излишеством. Предатель Гастон виделся развязно возлежащим на подушках, расшитых золотыми нитями, и свысока взирающим на хрупкую, дрожащую Жюли. Она, бедняжка, стояла в одной ночной рубашке, босая и переступала с ноги на ногу. Один повелевающий жест и...

Я с усилием остановила поток ярких образов, которые только распалляли ненависть к Гастону Эссару. У меня всегда было слишком живое воображение.

«Гад и хлыщ!» – заключила я, вслушиваясь в голоса, заполнявшие спальню.

– Я не хочу на собрание, – ныла Илма. – Почему мы должны каждые выходные слушать эти нравоучения? Все давно знают, что отступники враги добрых людей, а в Северном городе остались одни чудовища без души и разума. А испытание?! Оно выматывает до тошноты.

– Помолчи, Илма, – сквозь зубы процедила Урса. – Ты сегодня уже отличилась.

– Не я! Это новенькая! – расчёсывая светлые локоны, запищала Илма.

– Не имеет значения, кто начал. Вы обе показали себя во всей красе перед деканом, – лицо Урсы застыло маской досады и разочарования.

– Ага! В ночнушках! – по-доброму хохотнули девчонки. – Вот прикажет в них же отбывать наказание! Сван изведёт вас нравоучениями о девичьем стыде.

– Лекции в турнирном зале – вот наказание! – не унималась Илма.

– В конце недели ректор пытается нас лично, – шепнула мне одна из девочек. – Хорошо ты Илме наподдала. Она здесь два года. Считает себя старшекурсницей с привилегиями, потому что из зажиточной семьи. Так и не смирилась, что ничуть не лучше остальных.

– На факультете же нет курсов? – сказала я, приглаживая брючки.

Одежда пришлась впору и оказалась удобной. Я прикинула, что бежать в таком наряде будет сноровистее. Вспомнила

и имя сокурсницы.

– Тебя Зоуи зовут?

Та кивнула:

– Курсов нет, но всех привозили в разное время.

Я слушала объяснения, а сама смотрела то на Илму с поджатыми губами, то на наставницу, присевшую к постели Жюли. Урса что-то тихо говорила девушке и гладила по медным волосам. Чудилось, что Жюли вздрагивает от каждого прикосновения.

– А что с ними? – я осторожно указала на молчаливую пару оживших кукол: девушки собрались и одновременно сели на заправленные постели.

– Дафна и Дея. Они кажутся сёстрами, но это не так. У них скоро выпуск. После практики на нижних этажах все возвращаются не в себе.

– Нижние этажи?

– В корпусе есть подземный лабиринт. Взрослых, у кого зрелый дар, отправляют сразу вниз. Я очень боюсь туда попасть, – доверительно сообщила Зоуи. – Это страшное место.

Я стояла в кабинете вместе с Илмой. Наставница тихонько пристроилась ближе к столу декана. Свет от кристаллов подчёркивал бледно-фиолетовый оттенок кожи Урсы и болезненный блеск тёмных глаз, где радужка казалась расплывчатой кляксой материи хаоса.

Что с ними не так?! С Урсой и теми двумя девочками со старшего курса. Они все побывали на нижних этажах?

– Прошу простить мою оплошность утром. Я недоглядела, – тихо, но с достоинством произнесла Урса, обращаясь к декану.

Под укоризненным взглядом куратора и куст шиповника застыдилась бы собственных шипов, но не я, уверенная в собственной правоте.

Вот ещё!

Я нарочно выше вздёрнула нос, показывая, что не сожалею о содеянном. Подумаешь, раздавала пару тумачков наглой девице, которая решила меня пугать волшебными крысами и давить подушкой. Пусть спасибо скажет, что цела осталась!

Настрой у меня был самый боевой, а Илма ныла всю дорогу из-за предстоящей лекции в турнирном зале: бубнила об испорченном дне отдыха, ломоте во всём теле после тренировок и ослабшей по вине ректора магии.

Урсе пришлось цыкнуть, чтобы ревнивая злючка закрыла

рот. Я удивилась, что предстоящие занятия с ректором волнуют белобрысую сильнее, чем выволочка у декана.

В кабинете Илма за секунду состроила невинную гримаску. Она очень достоверно хлопала длинными ресницами и изредка шмыгала носом, надеясь разжалобить Эссара.

Это вряд ли! Такого ничем не прошибёшь.

Хлыщ позволил себе расстегнуть верхнюю пуговицу, ослабив высокий, тугой ворот. У чётко очерченных губ появились жёсткие складки. Декан стоял, заложив руки за спину: единственное кресло он уступил зевающей красавице Элизи. Она то и дело прикрывала рот рукой и устало моргала.

Никогда не прощу ей мерзких слов, мимоходом брошенных в галерее.

При других обстоятельствах я бы показала стихийнице кто здесь животное, а пока прожигала красотку взглядом. Её презрение к нам было настолько искренним и естественным, что рождало сомнения в собственной полноценности. Словно Элизи знала истину, которая магам хаоса была недоступна. Вдруг мы и правда настолько ужасны, что достойны наказания и ошейника.

Красотка поёрзала в кресле. Не иначе почувала мою ярость.

– Что ты с ними возишься, Гас. Отправь девиц на нижний ярус, – надув аккуратно подкрашенные губы, предложила любовница декана.

Невольно меня кольнуло непрощеной мыслью: чем они занимались в кабинете, пока мы собирались, и Урса вела нас вверх?

Я снова разозлилась на себя за навязчивый интерес к тому, что меня совсем не касалось. Только забыть жаркое горение дара Гастона Эссара, когда он прижал меня к себе, никак не удавалось.

– Это не имеет практического смысла. – Он словно отмахнулся от Элизи. – Их дар не созрел.

– Тогда в лабораторию, – не унималась красотка. – Там всегда нужны свежие образцы, а девицы слишком дерзки, чтобы дожидаться сроков.

Я подумала, что ей не терпелось избавиться от студенток и их наставницы, мешавшихся под ногами. Рассуждая о нас, как о бессловесном скоте, Элизи всеми силами делала вид, что в упор не замечает моего пристального, проклинаящего взгляда.

Сдерживающая метка не даст мне наложить вредящие чары, но хоть насмотрюсь в досталь. Пусть знает, что я не стану терпеть подобное обращение.

Элизи всё же отличила меня от обоев и неприязненно заявила:

– У этой на лице написано, что она закончит выжиганием дара.

– Стоит скорее исполнить обязанности секретаря и отнести отчёт Америусу, госпожа Мураи, – наклонившись к лю-

бовнице, Гастон напомнил о деле. – С нарушительницами порядка я разберусь самостоятельно.

О, как тонко он оттенил голосом слова об обязанностях! Эта блондинка всего лишь секретарь при администрации Академии, а ведёт себя точно королева Союзных земель. Королева без королевства. Союзные земли давно управлялись советом стихийных магов.

Мои губы сами растянулись в усмешке.

Элизи сохранила маску скупающей светской дамы, притушила огонёк злобы, вспыхнувший в глазах. Подхватив бумаги, она гордо вскинула голову и выскочила за дверь.

Мне почудилось, что Эссар с облегчением выдохнул. Гастон покрутил головой, точно разминая застывшие мышцы шеи, оглянулся. В прошлый раз после ухода Элизи он сразу распахнул окно, запуская в кабинет свежий весенний воздух. Видимо, эта мысль и сейчас зародилась в голове Эссара. Взгляд серых глаз был тяжёл.

– У вас две минуты, чтобы назвать причину безобразной сцены сегодня утром в галерее, – пророкотал он, так и не заняв опустевшего места за столом.

– Я не виновата, господин декан, – нежно пролепетала Илма.

Девочка-цветочек, не иначе. У меня аж скулы свело от её притворства. На месте фейри я бы давно утопилась в соседнем пруду, преследуй меня такая лицемерная девица.

Светлые ресницы Илмы вспорхнули, как крылья ночного

МОТЫЛЬКА.

– Новенькая рылась в моих вещах, пока все спали. Когда я открыла глаза, она накинулась с кулаками.

– Врушка! – От возмущения у меня не нашлось других слов, кровь прилила к щекам. – Дикий шип в жизни не брала чужого!

– Воровка! – пискнула Илма, больно тыкая меня под рёбра кулаком. – Не успела появиться, а уже тянешь руки к чужому. Мои вещи, всегда будут моими!

– В Крысином углу за такие обвинения язык вырывают! – Я попыталась лягнуть соперницу, но зараза ловко отскочила в сторону.

– Прекратить! – рявкнул декан.

Эссар вместе с Урсой одновременно закатили глаза к небесам, как бы мысленно насылая на головы студенток все возможные кары. Я и Илма застыли в том положении, в каком нас застал сердитый окрик господина Гастона.

– Я ожидал, что ты устроишь беспорядок, Кирстен Шип, но не в первую же ночь! – Обратился он ко мне. – У меня нет желания разбираться, кто из вас начал драку. После лекции ректора Илма отправится на уборку кухни, а Кирстен...

Илма издала какой-то невнятный звук, но немедленно сомкнула губы, отреагировав на предостерегающе приподнятую бровь Урсы. Я безразлично уставилась в окно, ожидая судьбоносного решения декана. Слава хаосу, он не стал тратить время на нудные нотации. Хоть за это спасибо!

– Кирстен займётся уборкой могил, – после небольшой паузы отчеканил Эссар.

Подошло время завтрака, а Жюли так и не собралась. Когда мы вернулись в спальню, молоденькая колдунья, сгорбившись, сидела на кровати и куталась в одеяло. Девочки наперебой расспрашивали её о самочувствии, но та лишь мотала опущенной головой.

Урса потрогала лоб студентки, посмотрела в покрасневшие глаза и сухо заключила:

– Жара нет, – ненадолго задумалась и спросила: – Тебя кто-то обидел?

Жюли глубже зарылась в одеяло и втянула голову в плечи. Должно быть это означало отрицание. Или нет?

– Милая, ты знаешь правила. Сейчас ты встанешь, оденешься и пойдёшь вместе со всеми в столовую. Затем ректор желает видеть группу в турнирном зале.

Правила!

Декан велел ознакомиться с распорядком дня, который висел у входа в спальню, но я так об этом и не вспомнила. Вначале не желала вникать из чувства протеста, но подумав, смирилась с неизбежным. И меня интересовали магические тренировки. Должны же они здесь быть!

Дикий шип обязательно вытащит из сложившейся ситуации самое ценное и необходимое. Я с детства следовала этому правилу и выжила. Справлюсь и теперь.

Жюли ещё ниже опустила голову, упавшие вперёд пряди закрыли лицо. Притихшая после беседы с деканом Илма презрительно фыркнула:

– Цену себе набивает. Ах, чувствительная малышка Жюли! Она такая нежная и слабая. Хитрая козявка хочет увильнуть от проверки в турнирном зале и тошнотворной лекции! Дафна и Дея первые на выпуск. Не ты! Идёмте уже есть!

Эта зараза никак не уймётся. Доведёт, что я снова её проучу. Теперь не избежать Илме разбитого носа.

– Мало получила сегодня? – Я сжала кулаки. – Иди на кухню, куда тебя отправил господин Эссар.

Ядовитые слова Илмы вывели меня из временного оцепенения. Я размышляла об уроках магии и наказании, которое открывало новые возможности. Может быть, мне удастся улизнуть подальше от корпуса и проверить дальние уголки парка. Заодно изучу фасад здания факультета, пути отхода и скрытые уголки.

– Не знаю, из какой грязной дыры ты вылезла, но не тебе мне указывать, воровка, – прямо глядя в лицо, бросила Илма. – В доме банкира Данара таких и на кухню не пускали.

Илма пустила в ход оскорбления, к которым я привыкла с рождения. До изобретательности экономки старого мага ей было далеко, поэтому я лишь усмехнулась:

– Не очень-то тебе помогло твоё происхождение, – я парировала, усмиряя гнев. – Ты заключённая, как я или Жюли.

Илму перекошило от очевидной правды, но столкновения не случилось. Девочки одёрнули гадюку, и она благоразумно прикусила свой раздвоенный язык, затихла. Я жестом показала Илме, что слежу в оба и немедленно отплачу за мерзость.

Урса всё внимание обратила на Жюли, пропуская мимо ушей перепалку подопечных.

– Соберись, милая. Нельзя же так раскисать из-за... – наставница запнулась и оглянулась.

Что уж там скрывать! Все знали, почему малышка Жюли рыдала. Даже я, появившись в Академии накануне, догадалась – колдунья влюблена в негодяя Гастона Эссара и бегала к нему ночью.

Не понимаю, что она нашла в этом зазнавшемся хлыще?!

Красивые глаза, точёный, мужественный профиль, сила и невыносимо яркий дар, но...

Он же предатель и помогает стихийникам мучить магов хаоса!

Для меня этот штрих к образу Гастона Эссара жирно перечёркивал притягательный образ, а Жюли повелась и страдала. В детстве я насмотрелась на таких девочек из «Весёлого кролика». Влюблённые и готовые на всё ради негодяев, они быстро сгорали и терялись в водовороте непростой жизни трущоб.

Мама старалась уберечь меня от неприятностей и никогда не скрывала правды. Тогда же я обещала ей, что не поддамся

слабости сердца...

– Парни пошли в столовую, – сказала одна из сокурсниц, выглянув за дверь.

Здесь все придерживались графика, но мало кто желал сейчас оставлять Жюли в одиночестве.

Мы сгрудились позади Урсы и с сочувствием смотрели на девчонку. Все, кроме Илмы и девушек-призраков. Дафна и Дея сидели на постели, с безразличием уставившись в пространство.

– Хочешь, я отправлю тебя в лазарет к новому доктору, – ничего не добившись, вздохнула Урса. – Вчера господин Эссар оставил его при факультете. Хороший человек. Я говорила с ним. Он осмотрит тебя...

– Нет! – Жюли резко вздёрнулась всем телом, вскинула голову, с мольбой поглядев на Урсу. – Я здорова. Я одеваюсь, – сбиваясь, пролепетала она.

– Одевайся, – кивнула наставница, оставаясь задумчивой и встревоженной.

Она провела рукой по медным волосам девушки, поправила пряди и нахмурилась. Жюли засуетилась, приводя себя в порядок.

Мы с Зоуи переглянулись:

– Так не похоже на Жюли, – сказала моя симпатичная собеседница, с которой я говорила перед походом в кабинет декана.

– Тебе не кажется, что с её волосами что-то не так? – Я

не была уверена, потому что накануне плохо успела рассмотреть причёску Жюли.

Зоуи пожалала плечами, и мы отправились в столовую.

Я продолжала мысленно отмечать приметные лестницы и повороты галереи и коридоров, чтобы запомнить план корпуса.

Смуглая, подвижная Зоуи всю дорогу щебетала, рассказывая о скудном питании для студентов-изгоев.

– Однажды господин Эссар даже ругался с ректором из-за продуктов, – доверительно сообщила она мне на ухо. – Я сама слышала, как он сказал: «Вы считаете студентов моего факультета животными, но и животное должно есть, чтобы приносить вам пользу».

– Предатель, – процедила я сквозь зубы.

Разговоры о декане портили настроение, а перед глазами сразу вставал образ вертлявой секретарши, липнувшей к высокомерному магу.

– Господин Эссар заботится о нас, – возразила Зоуи. – Разрешил мальчикам ловить рыбу на озере неподалёку. Ещё мы сами выращиваем овощи в теплицах. Это немного поддерживает кухню.

– Молодец какой!

Мне не удалось сдержаться и не выплеснуть в язвительности весь яд, что я успела накопить против господина Эссара. Я ни на секунду не верила в его добрые намерения.

– Ты не следишь за графиком, Урса. Поэтому и твоим подопечным не знакома дисциплина.

Это было первое, что мы услышали, войдя в столовую. С десяток пар глаз уставились на провинившихся. В узкой и длинной комнате за общим столом разместились юноши во главе со своим наставником. Он-то и сделал Урсе замечание.

В мои планы не входило привязываться к обитателям факультета отверженных, но стало обидно за терпеливую Урсу. Пока мы ходили к декану, собирались и уговаривали Жюли одеться, время пролетело незаметно. Задержка произошла не по вине наставницы.

– Мы всё успеем, Сван, – сухо ответила она.

– Я привык, что женщинам не свойственно чувство времени, – не унимался второй наставник. – Одна болтовня и наряды на уме.

Девочки переглянулись, оценивая одинаковые брючки, блузы и курточки друг на друге. Про наряды этот недовольный тип точно загнул лишнего.

– Дурной сон, что ли видел, Сван? – бойко парировала Урса, изобразив улыбку. – Так после встречи с ректором всё как рукой снимет.

– Пожелаем ему вечной жизни на нижнем ярусе, – проворчал наставник юношей, осматривая нашу небольшую групп-

пу. – У тебя прибавление, Урса? Очередная дерзкая пигалица с вертлявым задом?

Я незаметно сжала кулаки, уговаривая себя не вспылить. Язык так и чесался ответить достойной колкостью.

Мне стоило подумать о безопасности в этой чумной Академии.

Поэтому держи себя в руках, Кирстен Шип! Сегодня ты уже побывала в кабинете декана и отправишься убирать могилки. Ещё одно нарушение, и Эссар лично закопает тебя под окнами кабинета. И куст шиповника сверху воткнёт. Для красоты и благообразия!

– Ты поразительно тактичен, господин Педант! – беззлобно заметила Урса.

– Стоит припасти дубину потолще, чтобы отгонять моих парней от твоих сочных курочек. Они так и просятся на вертел.

Он снова прошёлся сумрачным взглядом по девушкам. Я поспешила отвернуться от господина Свана, чтобы избежать его внимания. Меня трудно смутить, но слишком светлые, точно выгоревшие глаза на смуглом лице мужчины казались пугающими и неживыми. В остальном он ничем не отличался от обычных людей. Попроси кто-нибудь описать – не вспомнила бы. Свану вряд ли было больше сорока, но брюзжал он словно столетний дед.

Урса не стала больше пререкаться, махнула рукой на ряд пустых стульев. Парни, напряжённо вытянувшись, сидели по

одну сторону стола, а мы расположились напротив.

Я отметила, что никто не засмеялся, слушая грубоватые шутки Свана. Только теперь студенты немного расслабились и оживились.

– Доброе утро, Дикий шип, – тихо сказал Лиль и подмигнул.

Я заранее успела отыскать его среди парней и плюхнулась на стул, опередив Илму. За что была удостоена яростного взгляда и получила болезненный щипок в бок, когда она пристроилась рядом. Зоуи села по другую руку.

– Это моё место, воровка, – широко улыбаясь Лиллю, процедила Илма.

– Правда? – Я изобразила удивление. – На стуле нет памятной таблички с твоим именем. Так что улыбайся и жуй. Что там у нас на завтрак? Доброе утро, милый Лиль!

Какая же я заноза!

С Илмы достаточно мук ревности, чтобы ещё добивать её издёвкой. Я охотно оставляю злючку в покое, лишь бы меня не трогала.

Господин Сван надолго замолчал и, гнетущее всех предгрозовое облако рассеялось. Я с любопытством крутила головой, ожидая, что будет дальше.

Здесь я впервые увидела сокурсников Лиля. Разношёрстная компания парней с интересом и откровенно тарасилась на меня. Кто-то улыбался, кто-то безразлично изучал, как новый экспонат в музее, понимая, что наша встреча случай-

на и не продлится слишком долго.

Однажды опекун водил меня на выставку древних артефактов. Они не имели магической силы, были красивыми безделушками и лежали за стеклом, чтобы все могли полюбоваться, но не трогали ценности руками.

На миг я остро ощутила себя такой притягательной вещью, к которой нельзя прикоснуться. Недаром господин Сван упомянул дубину. Он и сейчас несколько раз одёрнул заглядевшихся на девчонок подопечных.

Среди юношей было несколько таких, как наша Дафна и Дея – отстранённые, с заученными и механическими движениями, и... пустые. Они сидели за общим столом, но существовали отдельно ото всех.

– Не обращай внимания. Ты новенькая, – подсказала Зоуи, кивнув на парней.

– Понимаю. Пусть смотрят – не жалко!

На самом деле мне было неудобно, но я сделала вид, что ничуть не переживаю. Моё внимание притягивал Лиль: его сиреневые глаза сияли, серебристые искорки кружили в воздухе, слетая с кончиков волос. Это выглядело очень притягательно, но я с усилием оторвалась от созерцания колдовских чар и красоты фейри, и осмотрелась.

Столовая примыкала к кухне. Часть соседнего помещения виднелась в широком проёме без двери, оттуда шёл горячий дух от плиты и большого котла. В очагах давно использовали те же кристаллы хаотита, что в светильниках или каминах.

Если бы не маги хаоса, никто бы не узнал, как использовать потустороннюю материю. Стихийники, а тем более простые обыватели, не умели добывать полезную энергию, не могли заполнять ею кристаллы. В старые времена процветания мои сородичи продавали хаотит в соседние королевства, а сейчас весь доход получал Совет магов, управляющий Союзными землями. Мы же стали отверженными и бесправными осколками древней цивилизации.

Это ради хаотита стихийные маги превратили нас в изгоев. Любой, кто помогает угнетателям – предатель, достойный смерти.

Я подумала о Гастоне Эссаре, и огонь гнева вспыхнул во мне с новой силой.

Урса, одна из девочек и шустрый парнишка разложили по мискам сероватую массу из дымящегося котла. Должно быть это была каша, но в клейких комках я так и не опознала её основу. Плохое, проваренное зерно потеряло истинный запах и форму.

– Дежурство на кухне по графику, – шепнула Зоуи. – Готовим сами.

Я ни о чём не спрашивала, но новоявленная подружка сама охотно делилась сведениями.

Наставница торопливо расставила на столе чашки с бледным травяным напитком, плоски с засушенными фруктами и орехами.

– Примем с благодарностью, что судьба даёт нам, пока мы

живы, – молитвенно соединив ладони сказала Урса и села за стол.

– Да хранит нас Хаос, – нестройным хором отозвались мои вынужденные сокурсники.

– Пусть Хаос спасёт всех, – вздохнула Зоуи.

– Маги Северного города ищут поддержку у владык независимых земель, – в пространство произнёс один из юношей. – Я верю, что они придут и помогут восстановить справедливость. Наши придут...

Сван ударил ладонью по столу:

– Придержите язык! Опасные мысли и слова ведут к смерти. Я это видел. Тех, кого я знал лично, лишали дара. Они подышали в муках на глазах у друзей. Молили прикончить. Хуже этого нет ничего...

Все опустили взгляды, сникли, придавленные жутким откровением наставника.

Неужели они смирились?!

Я не верила, что молодые, полные сил парни и девушки могут так быстро сдаться. Самые старшие пробыли в Академии всего три года. Больше чем за десять лет в «Весёлом кролике» я не опустила руки, взрастила в себе желание бороться. Там тоже было непросто.

Будто со стороны я услышала собственный упрямый голос:

– Очнитесь же! Никто не придёт и не спасёт. Верить в это, значит терять время. Спасители – это мы...

Я произнесла это вслух?

Множество глаз уставились на меня. Неловкое молчание осязаемо повисло в воздухе. Вероятно, я рисковала. Кто-нибудь донесёт Эссару о недозволенных речах Кирстен Шип.

А хоть бы и сама Урса! Наставница играет роль доброй тётушки, но следит, чтобы все жили по дурацким правилам. Сван такой же... Если не хуже!

Стоять мне в кабинете декана, выслушивая нравоучения. Может, ещё и к ректору потащат.

– Поторопитесь. – Урса оглядела студентов. – Скоро господин Америус призовет всех в турнирный зал.

Все потянулись к еде, сделали вид, что ничего не произошло. На этот раз пронесло. Лучше затаиться, не привлекать внимания. Но разве Дикий Шип в силах удержать язык на привязи?!

Я поковырялась в миске, посмотрела, как все уплетают это жуткое варево. Одна только Жюли, как и я, скребла ложкой по дну миски и не ела, сидела, опустив голову.

– Не слишком аппетитно, но полезно, – сказал Лиль, неторопливо поднося ложку ко рту, точно участвовал в торжественном обеде.

Мысли об Эссаре не оставили меня.

– Декан-то не ест. Небось кушает сладкие фрукты и мясо. Или пирожные с кремом.

Я невольно облизнулась и взяла немного орехов из общей тарелки. Она стремительно пустела, а во мне пробуждались

старые привычки, позабытые за время сытой жизни у опекуна.

Кто бы подумал, что в Академии магии всё так же, как и в распоследнем трактире – немного зазевался и остался без обеда. А тут ещё Илма сверлила меня бешеным взглядом и норовила ткнуть острым локтем под рёбра.

– Выглядит так себе, – рассмеявшись, согласился Лиль. – Но не смертельно. Господин Эссар делает, что возможно в нашем положении.

– Держит вас на коротком поводке и с пустой миской. Это не Академия, а тюрьма. Ты его защищаешь, хотя он лишил вас воли к сопротивлению и надежды. – Я со вздохом запихнула в себя комок каши: такой же мерзкий, как предатель Гастон. – М-м... Бывало хуже.

Я рано научилась ценить и самую плохую еду. Силы мне будут нужны.

– Ты не поверишь, эгиихоль... Прости. Язык фейри... прекрасная Кирстен, но надежды, каждый лишил себя сам. Совершенно самостоятельно.

Илма вся извелась, наблюдая за нами. Я видела, как ей хотелось вставить хоть словечко. Она хмурила лоб, сводила от напряжения белёсые брови, умудряясь строить глазки Лилю – того гляди окосеет.

Я задумалась о словах фейри, запихнула в рот слишком большой комок варева и не удержалась от восклицания:

– Какая же гадость – эта каша!

– Сегодня дежурит Барт. Бедняга совсем не умеет готовить. Ты привыкнешь, – с сочувствием улыбнулся Лиль.

– Не собираюсь привыкать! И смиряться не стану! – Я огрызнулась, но без особой злобы.

Лиль не был виноват в моих неприятностях. Он мне нравился, но могу ли я доверять «неправильному» фейри?

Да и стоит ли пускать в сердце кого-то из Академии. Осмотрюсь и найду щёлочку, через которую ускользну от предателя Эссара и его пришибленных подопечных. Из «Весёлого кролика» я же вырвалась!

Это был отличный план. Очень вдохновляющий, но туманный в главной своей части. Меня тревожили метка на руке и зачарованные крепостные стены вокруг территории учебного комплекса.

Придумают же такую подлость!

Создать глупую иллюзию и отлупить соседок по комнате метка не мешала, а покинуть факультет или врезать декану промеж глаз – не смей!

Однотонный, низкий голос господина Свана вытащил меня из раздумий.

– Урса, твоя курочка сейчас выпрыгнет из одежды и прямо на мальчишку-фейри.

На этот раз все рассмеялись, глядя на покрасневшую Илму. Наставнику юношей этого показалось мало.

– Кто не знает стыда – получает стыд.

В ядовитом тоне Свана было нечто такое, что подейство-

вало на нас. Смех оборвался.

Звякнула упавшая ложка, скрипнул стул. Жюли закрыла рот ладонью и опрометью выбежала из столовой.

– Я поговорю с воспитанницей, Сван, – в тишине ответила Урса.

Оглушающий звон колокола, раздавшийся откуда-то сверху, чуть не взорвал мне голову.

Урса суетилась, подгоняя нас к выходу. Лицо Свана приняло ещё более жёсткое и недовольное выражение.

У меня уже сводило скулы от вечно кислых физиономий вокруг. Даже прежде жизнерадостная Жюли потеряла природный задор. Я пообещала себе ни за что не поддаваться общему настроению. Да и вообще, это гнездо засохших хаотиков пора хорошенько разворошить.

– Соберитесь. Порядок наведёте позже. Илма, ты помнишь, что наказана и помогаешь на кухне? – скороговоркой проговорила наставница, когда утих гонг.

– Помню, госпожа Урса, – послушно, с поклоном ответила Илма, изображая смирение.

Кривляка принялась игнорировать меня, будто рядом с Лилем была не я, а, например, тумбочка или иной предмет мебели. Мне же лучше!

– Где Жюли? – всплеснула руками Урса. – Девочки, ищите Жюли!

– Она здесь.

Две подружки вытащили бледную Жюли из тёмного закулка в коридоре, взяли под руки, чтобы та наверняка не скрылась.

– Да что с ней происходит?! – вслух, но нарочито тихо произнесла я.

Мой вопрос предназначался волшебному фейри. Лиль шёл рядом. Всей гурьбой немногочисленные студенты факультета запретных заклятий двигались в сторону турнирного зала. Происходило это сумбурно и суетливо. Мы знали, что нас ожидает занятие с ректором, но, казалось, к нему никто не был готов. Студенты то и дело отставали и замедляли шаг.

Лёгкий, словно летящий над полом Лиль, мягко взял меня за руку.

– Нельзя оставлять Жюли одну.

Я посмотрела на фейри: красиво очерченные брови нахмурены, губы упрямо сомкнуты

– Почему? Ты что-то знаешь?

Лиль помотал головой. Его внутренний свет немного потускнел.

– Нельзя оставлять одну, – уверенно повторил он. – Я вижу тени за её спиной.

– Оракул? – хмыкнула я.

– Я предупреждал, Кирстен. Случилась беда.

Он выглядел искренне встревоженным и сбитым с толку.

– Случилась или случится?

– Иногда это одно и то же. Эти стены имеют память, – тяжело подбирая слова, прошептал Лиль. – Они многое видели. Недавнее зло оставляет яркий след. Зло следует за Жюли. Оракулы не умеют объяснять свои видения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.